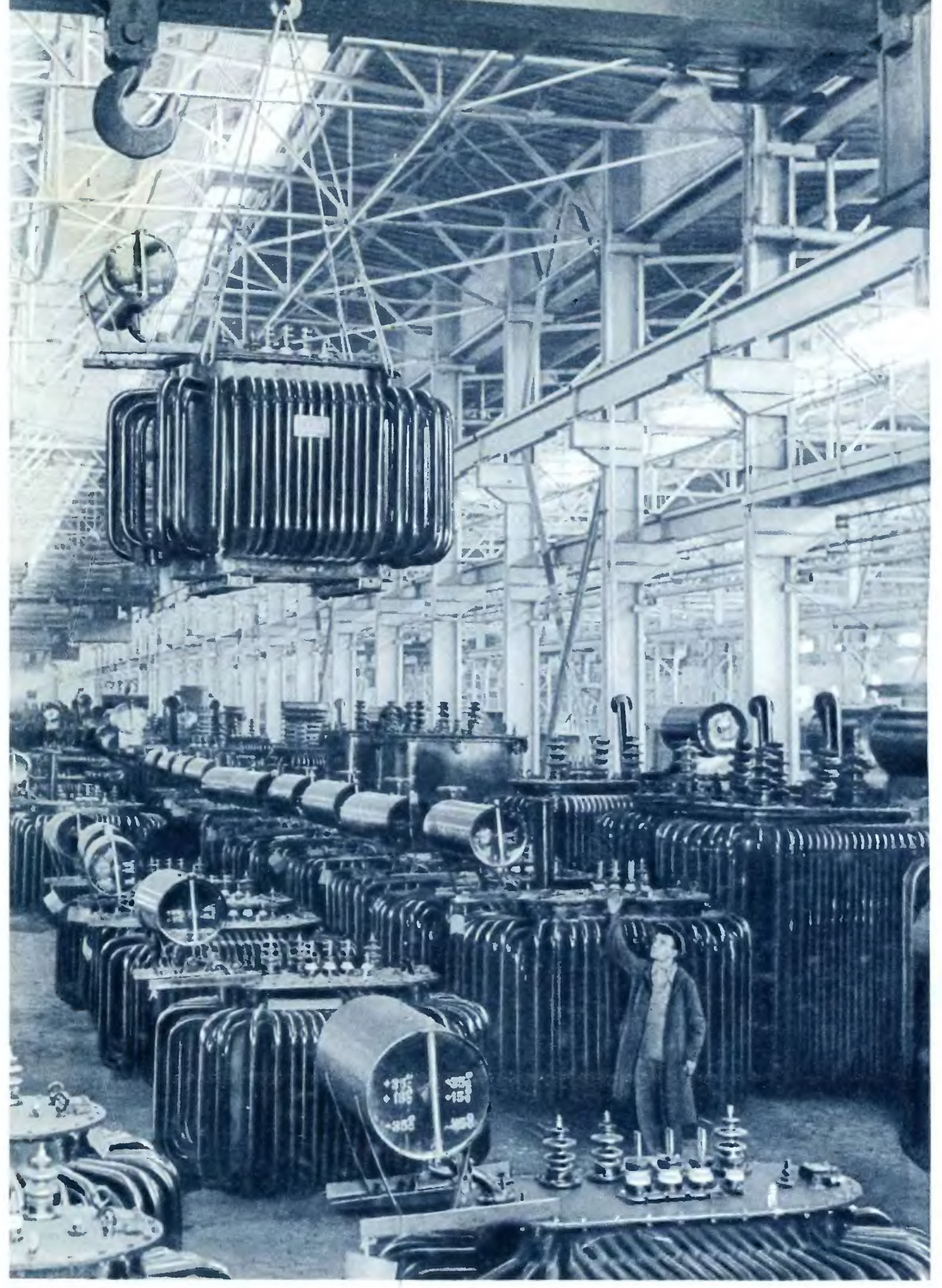

ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Запорожский трансформаторный завод. Трансформаторы готовят к отправке.

Фото М. Начинкина.

На первой странице обложки: Абсолютная чемпионка XVI Олимпийских игр по гимнастике Лариса Латынина (см. в номере «От Херсона до Мельбурна»). Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Туристы на переправе через реку Большая Лаба. Западный Кавказ.

Фото М. Харлампиева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 38 (1579)

15 сентября 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

— Первый «А», за мной!

Это былн первые слова, услышанные нми от учительницы.

И, держа в руках новенькие сумки с книжками н тетрадямн, большие букеты яркнх цветов, они пошли за Марией Трофимовной Ковтун.

Какой это памятный день, какое большое событие произошло в жизни ребят, переступнвших порог школы!

Последуем же за ними, за первоклассниками 163-й московской...

Она хорошо знает эти стнхи:

В большой и светлой школе
для всех открыта дверь...

Откройте 4-ю и 5-ю страннцы этого журнала и посмотрите, как прошли первые школьные часы малышей.

ХЛЕБ АЛТАЯ

В. ЦАРЕВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Студенты Чувашского педагогического института приехали в совхоз «Искра», чтобы помочь быстрее убрать урожай. Студентка Нина Шоршина занята погрузкой зерна для отправки на элеватор.

Мы проехали по Алтаю сотни километров. И повсюду степь обдавала нас чудесным ароматом поспевающих хлебов. И как тут не сказать уже не новые, но очень правильные слова: море пшеницы! Действительно море! Алтайский край убирает нынче вдвое больше, чем до освоения целинных земель. Чтобы скосить хлеб со всей этой площади, комбайны должны пройти по полям в общей сложности более 12 миллионов километров — 300 раз вокруг земного шара по экватору.

Говорят, язык цифр слишком сух и неинтересен. Но те цифры, которые звучат сейчас в каждом алтайском селе, не могут не волновать советского человека. Еще бы! Нынче Алтай даст Родине не менее 300 миллионов пудов зерна. Такое обязательство взяли на себя колхозы и совхозы орденоносного края. Уместно вспомнить, что всего лишь несколько лет назад Алтай давал стране ежегодно 50—70 миллионов пудов зерна.

Чем дальше продвигаемся мы к югу от Барнаула, в глубь степей, тем ощутимее становится вся грандиозность развернувшейся в крае битвы за хлеб. Справа и слева от дороги все чаще виднеются уборочные агрегаты. Иной раз, не сходя с места, насчитываешь сразу до десятка жаток и комбайнов. Массивы несжатой пшеницы сменяются уходящими до самого горизонта аккуратными полосками хлебных валков. Местами все поле усеяно стройными рядами небольших копенок соломы: здесь уже поработал комбайн.

Районный центр Белоглазово. В селе тишина. Зато сразу за околицей, на землях совхоза «Искра», горячая трудовая страда. Доносится шум тракторов, комбайнов. Это работают агрегаты механизатора Василия Быкова. На уборку он привез с собою брата Михаила, которого заранее обучил управлять «степным кораблем» и теперь поставил у штурвала. Тут же и сестра Екатерина, она на соломокопнителе.

На полевом стане нам повстречался высокий, слегка сутуловатый старик. Это был Ефремов, Герой Социалистического Труда.

Михаила Ерофеевича знает весь Алтай. Старейший хлебороб-опытник Ефремов и его последователи первыми показали, что мо-

Совхоз «Краснодарский», Усть-Пристанского района.

Вечером в полевом стане совхоза «Краснодарский». Здесь и студенты, помогающие на уборке, и механизаторы...

жет дать алтайская земля в умелых хозяйских руках, а теперь в крае целинных земель выросли тысячи мастеров полеводства. Немало их и на родине Ефремова — в совхозе «Искра». Здесь внедрены сплошные сортовые посевы. Тысячи гектаров земель обрабатываются по методу Мальцева. Хозяйство получит нынче со всей площади по 18—20 центнеров зерна с гектара, а с целинных земель — до 28 центнеров. 2,5 миллиона пудов товарного хлеба даст государству совхоз «Искра».

Новая для хозяйства культура — сахарная свекла — тоже обещает хороший урожай. За ее возделывание взялся сам Михаил Ерофеевич, возглавив молодежное звено. Теперь искровцы намереваются поспорить в мастерстве с прославленными украинскими свекловодами.

Хочется рассказать и о замечательных делах совхоза «Краснодарский», Усть-Пристанского района. В этом хозяйстве, созданном на целине всего два с половиной года назад, работает уже третье «поколение» молодежи, или, как здесь говорят, три потока.

Эту группу комбайнеров из Чкаловской области мы застали на степной алтайской дороге. Они приехали сюда со своими машинами и направляются на уборку урожая в совхоз «Краснодарский». Комбайнеры П. И. Малов, В. А. Тишков, Н. Ф. Семерня и Н. Г. Сотников рассматривают карту района.

Иван Георгиевич Оленберг и его сын Виктор — комбайнеры. Агроном колхоза имени Чкалова И. С. Шешина указывает им новый участок для работы

Первую борозду проложили весной 1955 года посланцы Краснодара, распахавшие около 20 тысяч гектаров целины. Они и сейчас составляют основное ядро коллектива. Их руками возведен поселок в степи, который с каждым годом разрастается и хорошеет.

Летом прошлого года в молодежный коллектив целинного совхоза пришло новое пополнение: выпускники турочакской средней школы из Горного Алтая — почти весь класс. Это был второй поток новоселов. Здесь началась их трудовая жизнь, здесь приобрели они специальности трактористов, комбайнеров, машинистов лафетных жаток. А совсем недавно, этим летом, основатели совхоза встретили третий отряд новоселов. По примеру турочакских школьников приехали на целину 33 выпускника Усть-Пристанской средней школы вместе со своим классным руководителем Виталием Андреевичем Степановым и большой группой юношей и девушек, только что окончивших ту же турочакскую школу.

...Мы обгоняем тяжелые грузовики, до краев наполненные золотистым зерном. Убирать хлеб помогает труженикам Алтая вся страна. Здесь встретишь сейчас комбайнеров Ставрополья и Кубани, шоферов Москвы и Горького, студентов из Чувашии и Свердловска. Хлеб идет!

Мы шагаем в первый класс...

— Чего бывает пять? Пальцев пять!

— Это будет твое место,— сказала Зинаида Ивановна Игнатова.
— С девчонкой?!.

— Нарисовать? Кошку? Ну и задача!..

Первая размолвка: «Что ты понимаешь!»

Рисование будет ее любимым предметом.

Так подружились девочки...

...а так подружились мальчики.

— Не плачь! Он нечаянно...

Эти снимки сделаны уже на последнем, третьем уроке...
— Скоро ли звонок?

Папы и мамы, собравшиеся у школьного подъезда, тоже ждали этого третьего звонка.

Фоторепортаж **И. ТУНКЕЛЯ** и **В. ТЮККЕЛЯ.**

МОСТ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Корреспонденты журнала «Огонек» обратились к чрезвычайному и полномочному послу Сирийской Республики в СССР г-ну Жамаль Е.-Д. Фарра с просьбой ответить на некоторые вопросы, касающиеся развития советско-сирийских отношений.

— Каково ваше мнение, господин посол, о характере развития отношений между Сирией и Советским Союзом?

— Даже одно упоминание о прошлогоднем визите президента Сирийской Республики Шукри Куатли в вашу страну, о посещении СССР парламентской делегацией Сирии, визите ваших парламентариев, наконец, недавних переговорах о сотрудничестве дает право сказать: отношения наши развиваются дружественно и эффективно. Перечисление подобных важных событий можно было бы продолжить.

Но кое-кто может заметить: «Это ведь только официальные данные». Я отвечу несколькими примерами, свидетелем которых мне посчастливилось быть.

На мой взгляд, никакие словесные утверждения и заверения не могут соперничать в достоверности с тем, что человек видит собственными глазами. Я сейчас повторяю то, что сказал в прошлом году, провожая на Внуковском аэродроме советскую парламентскую делегацию, отлетавшую в Дамаск. Я сказал гостям моей родины, что не буду рассказывать им о Сирии и чувствах моего народа к Советскому Союзу, — им предстоит увидеть все воочию.

И когда советские парламентарии возвратились в Москву, они уже не нуждались в уверениях дружелюбия сирийского народа — они ощутили его сами.

— А приходилось ли вам, господин посол, самому быть свидетелем крепнущих дружеских чувств между нашими народами?

— Да. И неоднократно.

Во Всемирном фестивале молодежи от моей страны приняло участие приблизительно 450 человек. Пожалуй, это была самая обширная делегация — относительно к численности населения страны. И не только студенты, молодые рабочие и земледельцы приехали тогда в Москву. Сирия послала в советскую столицу своих профессоров, инженеров, специалистов. Я видел, что все они с истинно юношеским пылом отвечали Москве и полюбившимся им москвичам на горячие проявления чувств к моей дальней отчизне.

— А у вас на родине вам не случалось присутствовать при встрече сирийцев с советскими людьми?

— Я побывал дома прошлой зимой во время отпуска. Тогда вместе с моими друзьями из советского посольства и посольства народного Китая мы совершили небольшую поездку по стране. Мы поехали в местечко, расположенное в 40 километрах от Дамаска. Внезапно наше путешествие было задержано ремонтом дороги. Рабочие, занятые исправлением пути, увидели над одной из машин алый флаг Советского Союза. Окружив машину, дорожники приветствовали находящихся в ней советских людей. Они старались найти самые горячие и самые точные слова для своих чувств. То были слова и чувства самого народа, который представляла эта простая случайная горстка людей, вовсе не подготовленных к встрече в такой, более чем неофициальной обстановке. То же происходило около китайской машины. Два алых флажка породили этот искренний взрыв человеческих чувств. Сирийские рабочие помогли провести машины через разбитый участок пути, и, уже миновав его, мы еще долго могли видеть их, стоящих у края дороги и машущих друзьям их родины.

Я думаю, что и члены советской делегации ВОКСа, побывавшие в Сирии и привезшие оттуда множество свидетельств дружелюбия принимавших их хозяев страны, могли бы умножить примеры, подобные приведенному мной.

— В связи с укреплением дружественных отношений между нашими странами в некоторых западных, особенно американских, газетах, как известно, поднялась шумиха о так называемой «советизации» Сирии. Каково ваше мнение по этому поводу?

— Действительно, многие газеты и радио на Западе говорят о «советизации», «сателлизации» Сирии и т. п. Я, как представитель Сирийской Республики в Москве, хочу через ваш журнал заявить: подобные утверждения западной прессы и радио — абсолютная ложь!

Сирийский народ не зря много лет боролся за независимость и суверенитет своей родины. Он отверг бы всякое посягательство на свою свободу как с Запада, так и с Востока. Наши отношения с Советским Союзом — это тесное, дружественное эффективное сотрудничество на совершенно равных правах. Советский Союз понимает и уважает национальный патриотический дух сирийского народа и всего арабского мира.

Это, знаете ли, очень старый, давно вышедший из моды способ — называть независимое государство, которое хочет сохранить и упрочить свою независимость, «коммунистическим», «просоветским» и тому подобное.

Я еще раз повторяю: наше сотрудничество с СССР осуществляется на равных правах, основано на принципе взаимной выгоды. Ваша страна будет поставлять нам машины, механизмы, нужные нам материалы. За все это мы платим. Мы никогда не принимали и не принимаем «подарков» от кого бы то ни было. Наши взаимоотношения с СССР искренние, дружественные, но деловые, коммерческие, выгодные и тому и другому государству. Мы приглашаем из вашей страны технических специалистов, инженеров и платим им за их искусство, за их работу. Все эти специалисты будут работать согласно директивам сирийского правительства. Сирийский народ — хозяин своей земли.

Хочу добавить: мы в то же время готовы сотрудничать и с Западом, с любым государством, которое понимает новый дух нашего народа, всего арабского мира и всего бандунгского мира.

Этот дух существует. Государства древней культуры, истории, имеющие огромные природные ресурсы, хотят мира, независимости, повышения жизненного уровня своих народов.

Они даже готовы забыть страшное прошлое колониализма и сотрудничать со всеми странами, которые проявят добрую волю.

Мы хотим зависеть только от наших собственных ресурсов. Это единственная зависимость, которую мы признаем.

Некоторые могут сказать, что мы несколько нереалистичны. Но мы верим, что наш путь — правильный путь и он приведет к успеху.

— В газетах появляются сообщения о новых провокациях, которые готовятся некоторыми государствами против Сирии, об агрессивных планах, вынашиваемых этими государствами. Как относятся к таким известиям в Сирии?

— Я глубоко убежден, что причиной напряженного положения на Ближнем Востоке является тот факт, что одна страна этого района, а именно Израиль, является инструментом в руках международного империализма и сионизма.

То, что я говорю, вовсе не относится к еврейскому народу. Евреи жили и продолжают жить среди арабов, являясь гражданами арабских стран. Но само государство Израиль служит орудием для тех, кто любит таскать чужими руками каштаны из огня.

— Советские читатели разделяют и понимают стремление народа Сирии к независимости. Поэтому им интересно было бы узнать некоторые примеры готовности сирийского народа отстаивать свое полноправие и свободу.

— Я могу рассказать читателям «Огонька» историю, которую прочел в одной из сирийских газет. Эта история несложна, но, на мой взгляд, показательна.

Одна сирийская девушка получила ко дню рождения подарок от родителей — 50 сирийских фунтов. Как и всякая молодая женщина, она могла бы найти применение этим деньгам для своих обычных, но всегда заманчивых девических мечтаний. Однако, узнав об иностранной агрессии в районе Суэцкого канала, девушка перевела свои небольшие сбережения в адрес египетского консульства в Халеб для помощи арабским братьям, борющимся за свободу.

Я видел на улицах Дамаска, во время парада, женщин и девушек, одетых в форму бойцов гражданской обороны. Возможно, вам, советским людям, чьи сестры и дочери отстаивали Сталинград и Ленинград, этот факт покажется вполне заурядным. Но, чтобы понять великие сдвиги, происшедшие в душе сирийских женщин, которые готовы сейчас сражаться за жизнь своих детей, нужно знать, что еще не так давно женщины Сирии не имели права принимать участие в общественной жизни страны. Те, кто стоял на улице Дамаска в солдатской одежде, не могли раньше появиться на людях с открытым лицом.

В заключение нашей беседы мы попросили г-на Жамаль Е.-Д. Фарра поделиться своими впечатлениями о недавних советско-сирийских экономических переговорах, в которых он принимал участие.

— Мне нечего добавить к официальным результатам переговоров — они знакомы советскому читателю по опубликованному коммюнике. Но я могу рассказать о тосте, который я произнес на приеме, посвященном окончанию переговоров.

Должен признаться, что я был в очень сложном положении: как человек, живущий в Москве, я должен был адресовать свой тост к сирийским гостям Советского Союза, но, как сириец, я чувствовал потребность поднять бокал за наших советских друзей. Я искал нужное решение на протяжении всего долгого обеда, включавшего и вкусное русское мороженое. Я предложил тост за железные дороги, мосты, ирригационные сооружения, которые родятся в результате нашего содружества, и за людей, которым предстоит их строить. Но главное сооружение, которое будет возведено нашими общими усилиями, не может быть выстроено инженерами и техниками. Это мост дружбы и взаимопонимания.

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Письмо из Бонна

Е. ПРАЛЬНИКОВ

Когда выйдет этот номер журнала, в Западной Германии начнутся выборы третьего состава бундестага ФРГ. Голосование явится завершением многодневной острой борьбы политических партий, которую нам пришлось в эти дни наблюдать, посетив несколько западногерманских городов, рабочих поселков и крестьянских селений.

Куда бы мы ни приезжали, первое, что бросалось в глаза, были сотни предвыборных плакатов правящей партии ФРГ — Христианско-демократического союза. Они расклеены повсюду: на специальных стендах, на стенах домов, на деревьях. При этом не обошлось без курьезов: на окраине Франкфурта-на-Майне щит с предвыборным лозунгом ХДС повесили на столбе с надписью «Тупик». Наш шофер, молчаливый немец, непрерывно сосущий свою трубку, с улыбкой заметил:

— Вот этому плакату нашли правильное место!

Партия Аденауэра широко раскинула свои пропагандистские сети. Когда житель Западной Германии утром разворачивал газету, то сталкивался с пространными изложениями речей лидеров ХДС; когда включал радиоприемник, то слышал их выступления, а вечером ему показывали их самих либо на экране телевизора, либо в кинотеатре, в очередном выпуске кинохроники.

ХДС имел все возможности для того, чтобы развернуть такую шумную кампанию благодаря взносам западногерманских монополий. Его фонды на проведение предвыборной борьбы составляли более 120 миллионов марок.

Функционеры ХДС ежедневно проводили по сто предвыборных митингов и собраний. День за днем по автострадам Западной Германии из одного конца в другой на предельной скорости мчались черные лимузины министра иностранных дел Брентано, министра обороны Штрауса, министра внутренних дел Шрёдера и других членов правительства.

Сам канцлер Аденауэр, лидер ХДС, несмотря на преклонный возраст, по четыре — пять раз в день выступал перед избирателями. Его предвыборное турне по республике было обставлено с большой помпой. Он разъезжал в специальном салон-вагоне, принадлежавшем ранее Герингу; его личную охрану составляли тридцать человек, вооруженных автоматами. Если поезд останавливался на какой-либо станции ночью, то место стоянки освещалось прожекторами и выставлялась охрана со сторожевыми собаками. По улицам, идущим от вокзала к месту митинга, выстраивались шеренги полицейских. В залах, где выступал канцлер, всюду были понатыканы многочисленные «блюстители порядка». И если, как писал корреспондент газеты «Зюддейче цейтунг», «кто-либо осмеливался здесь хоть разок свистнуть, тот мог быть уверен, что в этот вечер он целым домой не вернется».

В западной печати немало потешались над тем, что Аденауэр встречается со своими избирателями только в сопровождении охраны. Газета «Таймс» писала, что это весьма похоже на поездку, «которую совершают губернаторы колоний через провинции, где происходят беспорядки».

Главный лозунг избирательной программы ХДС — сохранение внешнеполитического и внутриполитического курса, которым шло правительство Аденауэра в течение восьми минувших лет. «Никаких экспериментов» — этот призыв можно было прочесть на сотнях тысяч плакатов, эти слова звучали во всех речах ораторов аденауэровской партии. Но сохранение старого курса означает углубление раскола страны, усиление международной напряженности — это путь военных авантюр.

Ряд профашистских партий ФРГ включил в свои избирательные программы откровенно реваншистские требования. Так, Общегерманский блок — третья по численности партия ФРГ — выпустил такой предвыборный плакат: хищный орел — символ германской империи—распростер свои крылья не только на всю территорию ГДР, но и над польскими городами Щецин, Гданьск, Вроцлав, Ополе, над советским городом Калининградом, над частью чехословацкой территории. Западногерманские реваншисты открыто заявляют, что они мечтают о восстановлении границ «третьего рейха».

Реакционная западногерманская печать единым фронтом вела борьбу против Социал-демократической партии Германии, избирательная программа и политика которой хотя во многом и непоследовательны, но содержат ряд требований, отвечающих интересам немецкого народа. В своих предвыборных лозунгах СДПГ выступила за разоружение и уменьшение международной напряженности, за отказ от оснащения бундесвера атомным оружием, за прекращение испытаний атомных бомб, против закона о воинской повинности.

Руководитель отдела печати СДПГ Гейне выступил с публичным обвинением ХДС в том, что в своей предвыборной борьбе партия Аденауэра применяет «методы эсэсовцев». По ночам срывались предвыборные плакаты СДПГ, социал-демократических активистов подвергали избиениям, на митингах устраивались обструкции ее представителям.

В Дортмунде после одного из собраний Социал-демократической партии мы разговорились с несколькими старыми участниками рабочего движения.

— Мы видим, — сказал один из них, — что сейчас к власти рвутся те, кто хочет снова толкнуть Германию на путь войны. Но мы будем бороться против этого.

Такая борьба развертывается.

Незадолго до выборов во Франкфурте-на-Майне состоялась мощная демонстрация молодежи, участники которой решительно потребовали, чтобы правительство ФРГ отказалось от гонки вооружений, от намерения оснастить бундесвер атомным оружием, чтобы оно не препятствовало ходу переговоров о разоружении. Побывав на предвыборных собраниях, побеседовав с десятками рядовых избирателей, мы вынесли твердую убежденность в том, что простые люди Западной Германии стремятся к мирной жизни, что они хотят видеть свою родину воссоединенной, хотят жить спокойно и быть уверенными в завтрашнем дне.

Бонн. 10 сентября.

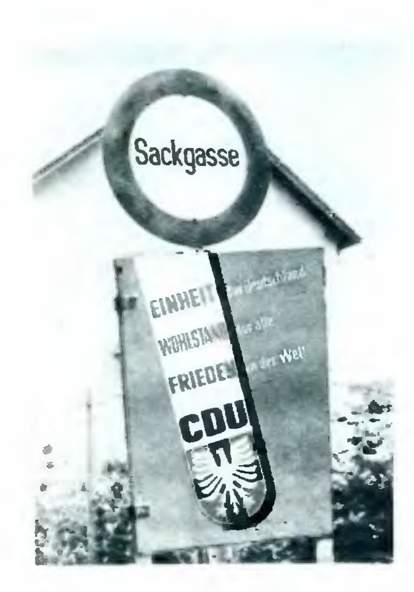
Фото агентства ДПА.

Социал-демократическая партия выпустила предвыборный плакат, надпись на котором гласит: «Марка сейчас стоит только 82 пфеннига. Прекратить обесценивание денег!»

Избирательная программа Социал-демократической партии Германии содержит требования прекратить испытания атомных бомб и отменить в ФРГ воинскую повинность. Призывы СДПГ «Атом только для мира», «Больше квартир вместо казарм» поддерживаются миллионами западногерманских трудящихся.

Щит с предвыборными демагогическими лозунгами ХДС. Расклейщики прикрепили этот плакат к столбу с надписью «Тупик». Очень многие в Западной Германии убеждены, что нынешний внешнеполитический курс правительства Аденауэра заведет ФРГ в тупик.

Западногерманская общественность осуждает милитаристскую политику правительства Аденауэра. Во Франкфурте-на-Майне состоялась многотысячная демонстрация молодежи. «Боритесь за мир, свободу и взаимопонимание между народами!», «Война никогда не должна повториться!», «Долой воинскую повинность!» — таковы требования народа.

Памятник Революции.

Танцы индейских племен на улицах столицы в честь Дня независимости.

Самый большой праздник в Мексике

В столице Мексики на просторной площади Революции высится гигантская каменная арка. Ее воздвигли в честь мексиканской революции. 16 сентября, в самый большой праздник мексиканского народа — День национальной независимости, внутри этой арки зажгутся неоновые огни...

Много лет назад, 16 сентября 1810 года, в небольшом селении Долорес отважный мексиканский патриот Мигель Идальго-и-Кастилья призвал народ к восстанию против испанских колонизаторов. Одиннадцать лет понадобилось для того, чтобы ликвидировать колониальное иго. Но и после этого освободительная борьба не кончилась. Народ Мексики вынужден был бороться против французских, затем против североамериканских оккупантов.

Через сто лет, в 1910 году, в Мексике снова загремели залпы орудий. Началась буржуазно-демократическая революция. Потребовалось еще 7 лет кровопролитной борьбы, чтобы провозгласить буржуазно-демократическую конституцию Мексики.

Природа одарила Мексику нефтью и ураном, серебром и золотом, цинком, оловом и свинцом. Все эти богатства новая конституция объявила собственностью народа. Она запретила иностранцам владеть землей, водами и недрами Мексики.

Конституция была встречена в штыки монополистами Соединенных Штатов, Англии и Франции, которые привыкли считать Мексику колониальной, зависимой страной. Однако, несмотря ни на что, народ Мексики добился своего: в 1938 году тогдашний президент Мексики Карденас национализировал нефтяную промышленность.

Конституция облегчила жизнь мексиканских тружеников. На заводах, фабриках законом установлен восьмичасовой рабочий день. Крестьяне, которые составляют 70 процентов населения Мексики, получили землю. За 40 послереволюционных лет был экспроприирован и разделен среди крестьян 31 миллион гектаров земли.

Канула в вечность безграничная власть католической церкви с ее жестокой и мрачной инквизицией. Церкви запрещается вмешиваться в политическую жизнь страны. Народное просвещение шагнуло вперед. Сейчас в Мексике почти столько же учителей, сколько было учащихся в 1910 году.

Конечно, не все, что записано в конституции, проведено в жизнь. Далеко не все насущные проблемы Мексики решены. Мексиканский народ борется за то, чтобы повысить уровень жизни, улучшить условия труда. Мексиканцы решительно выступают против войны,— за мир. Они не хотят связывать свою судьбу с агрессивными планами.

Трудолюбивый и жизнерадостный мексиканский народ бережно хранит свои революционные традиции, отстаивает день за днем свою национальную независимость, завоеванную в вековой борьбе.

В. ЧИЧКОВ

Фото Н. Леонова.

Прыжок в тайгу

В. И. Зуев.

Недавно в тайге близ села Троицкого, Хабаровского края, потерялся четырнадцатилетний мальчик Юра Куренков. Увлекшись сбором ягод, Юра ушел в сторону от товарищей и заблудился. Двухдневные розыски его оказались безрезультатными.

На помощь был привлечен патрульный самолет, с борта которого инструктор парашютно-пожарной службы Дальневосточной базы авиационной охраны лесов В. И. Зуев примерно в 20 километрах от поселка Куруни заметил на звериной тропе мальчика с ведром. Он все дальше удалялся от населенного пункта. Самолет снизился, и Зуев сбросил Юре вымпел с запиской, чтобы он никуда дальше не уходил и ждал помощи.

Вскоре самолет снова появился над Юрой. На помощь мальчику с борта самолета спрыгнул парашютист. Это был Зуев. С самолета сбросили на парашютиках продукты, медикаменты и оружие. Прыжок был совершен в чрезвычайно трудных условиях, но выбирать не приходилось: речь шла о спасении человека! Зуев прыгнул на заболоченный участок, заросший редким лесом, и провалился по пояс в болото. С трудом ему удалось выбраться на твердую землю.

И вот перед Зуевым стоит Юра, босой, в изодранной одежде, изъеденный мошкарой. Силы оставляли его. Уже четверо суток как он ничего не ел. Парашютист оказал мальчику первую помощь и накормил его. На небольшой лесной прогалине они устроились на ночлег. Ночь у костра была тревожной. Несколько раз мальчику становилось плохо. Рано утром за ним прилетел вертолет, и вскоре Юру благополучно доставили в районную больницу. Сейчас он здоров.

Инструктор парашютно-пожарной службы В. И. Зуев уже не первый раз выполняет сложные и ответственные задания. В 1956 году Министерство сельского хозяйства СССР наградило его значком «Отличник соцсоревнования» за тушение лесного пожара в отдаленной и труднодоступной местности. Тогда ему пришлось прыгать с парашютом прямо в тайгу, на густо стоявшие деревья-великаны. На счету Зуева десятки потушенных лесных пожаров.

За спасение Юры Куренкова Главное управление лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения Министерства сельского хозяйства СССР наградило В. И. Зуева именными часами.

М. ЧЕРВОННЫЙ

9 сентября в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького состоялась встреча редакции журнала «Огонек» с читателями. Собралось свыше 1 500 человек — люди самых различных профессий и возрастов.

С докладом о работе журнала выступил главный редактор А. В. Софронов. Он представил собравшимся поэтов, писателей, журналистов, художников, фотокорреспондентов — сотрудников и актив журнала.

Выступавшие на встрече читатели З. Торхов, И. Герасенков, Р. Плоткина и другие, отмечая недостатки в работе редакции, внесли ряд ценных предложений.

С большим интересом были прослушаны выступления поэтов Алексея Маркова, Игоря Кобзева, Сергея Васильева, Владимира Солоухина. Свои произведения прочли писатели Владимир Поляков, Леонид Ленч, Варвара Карбовская.

Композиторы М. Блантер и М. Табачников исполнили несколько своих песен.

На снимке: выступает читательница «Огонька» Р. Плоткина.

РОЖИКА

Рассказ

Бела ИЛЛЕШ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

1

Один из поворотов извилистой дороги, возникающей у Лиллафюред, огибает четырехоконный, крытый дранкой, побеленный известкой домик — рабочее общежитие. Сразу за общежитием, едва минуя двор, стоят на страже высокие прямые сосны: они защищают черный ход от лесных ветров. В общежитии в двух смежных комнатах живут девушки, шестнадцать девушек. Третья комната пустует. Матушка Мари — смотрительница, повар да к тому же и воспитательница общежития, известная в горах Бюкка сказительница,— спит на кухне. Но вот когда она спит,— это тайна. Ведь она днем и ночью работает, и если отдыхают ее руки, трудится язык: пожурит и похвалит, споет и сказку расскажет. Пока я ее не видел, а только слышал о ней, я был уверен, что это маленькая, сутулая, сморщенная старушка. В действительности она гренадерского сложения и такая же прямая, как сосны, спускающиеся со склонов гор к домику. Ее когда-то соломенные волосы сейчас почти серебряно-белые, но на лице едва заметны морщины, и когда она смеется, то показывает тридцать два белых, здоровых зуба.

Из уважения все, даже те, кто постарше, называют ее матушкой или тетушкой. Я и сам не знаю, откуда набрался смелости назвать ее сестрицей. Она с удивлением поглядела на меня большими умными серыми глазами и задумалась: рассердиться или рассмеяться? Покачала головой, шлепнула меня по спине и рассмеялась. Потом заметила, что у меня или не хватает одного шарика, или их немного больше, чем полагается порядочному человеку. Поэтому она пожалела меня и взяла под свою защиту.

Через несколько дней после того как мы познакомились, я вошел к ней в доверие. Она разрешила мне после ужина, когда рассказывает девушкам сказки, садиться на пенек и слушать.

2

Небо было облачным. Временами шел дождь, устало, печально. Но ветер гнал облака дальше, то в сторону Лилла, то к Керестуру. Иногда на часок небосвод становился тускло-голубым, и в солнечном свете искрились желтые, белые и бледно-голубые цветы. Ветер, который раньше носился над высокими соснами, теперь начинал разгуливать по земле. Прячущиеся на опушке леса папоротники покачивались и разбрасывали блестящие дождевые капли, ищущие приюта в их узких, длинных листьях. В такое время все проникнуто запахом хвои, сена и свежей земли. Светлые, каштановые и черные волосы обитательниц рабочего общежития впитывали в себя всевозможные ароматы, и, когда вечерами мы садились во дворе слушать сказки, от их волос, платьев струилось лесное благоухание.

Облизав губы после картофеля с паприкой, приготовленного сестрицей Мари, я сказал что-то вроде того, что, мол, это чудесное место — сам мир, сама родина.

— Мир! — рассмеялась сестрица Мари.— Шесть месяцев назад эти шалопаи подстрекали нас к убийству... Строить-то едва ли могут эти молодые господа, а вот разрушать, поджигать... И еще нас зовут на помощь. По адресу обратились! Ну и задали ж они стрекача!

— Тому уж семь месяцев, сестрица!

— А вам не все равно?

Сестрица Мари долго сидела безмолвно, прикрыв глаза. Быстро темнело, но все же я увидел, как она улыбается. Может быть, она хотела заглянуть в прошлое, может быть,— в будущее.

— Вы, голубчик, впервые приехали сюда, не знаете, да и не можете знать Рожи Кёкенеш. А девушка известная, и в Мишкольце о ней знают и здесь. Когда сын керестурского лесничего, Бени Фейер, что был милицейским офицером в Мишкольце, познакомился с ней, она служила в кафе. Она пошла работать прямо из школы: у нее не было ни отца, ни матери. Бени очень понравилась Рожи, он познакомился с ней, полюбил ее. Девушка тоже тянулась к нему. Они решили, что поженятся. Когда они договорились обо всем, Бени попросил девушку, чтобы она оставила кафе. Она дала согласие. Бени подарил Рожи кольцо с синим камнем, которое досталось ему в наследство от матери. Он строго наказал девушке, чтоб она берегла кольцо так же, как надо беречь любовь, честь. Рожи поблагодарила, надела на палец кольцо с синим камнем, засмеялась и поцеловала Бени. Два дня спустя она потеряла кольцо. Говорят, до рассвета протанцевала, а утром долго искала кольцо. Бени — тихий, спокойный и хороший человек (здесь, в лесу, рождаются такие). Сильный он, как бык, но свою силу может держать в узде. Когда он узнал, что Рожи не уберегла кольца, он ни единым словом не упрекнул ее, только распрощался с ней. В момент прощания он даже протянул ей руку.

Бени я знаю с детских лет. И мать его знала. Отец его и теперь сюда часто захаживает. А Рожи я узнала лишь тогда, когда беда уже случилась. После того как Бени расстался с ней, Рожи бросила город и приехала сюда, в лес, где ни зеркал, ни электричества, ни новомодной музыки, только работа, тишина, хороший воздух. Еще очень молодой девушкой попала она сюда, двадцати не было. Тоненькая, гибкая. Черные густые волосы она стригла коротко, по-мальчишески. Лицо ее действительно было красиво, но когда она пришла к нам, то ходила всегда с опущенными глазами и никогда не смеялась. Я подозревала, что она притворяется, не подходит она для нас, но раз уж она взялась за работу в лесном хозяйстве, я пустила ее к моим девочкам. «Этих ты не испортишь! — думала я.— Присмотрю за тобой, все насквозь увижу. Как ни притворяйся, а моих девочек не испортишь!»

Я уж наперед смеялась над тем, как эта барышня побежит обратно в город, когда узнает, что понимают у нас под работой. Не убежала! Сначала с большим трудом выполняла работу, под вечер едва двигалась от усталости, но на другой день утром снова трудилась вперегонки с моими девушками. Так или иначе, но она привыкла к работе и не тосковала ни по танцам, ни по сумасшедшей музыке, ни по большому городу. Вскоре она стала петь вместе с моими девушками во время работы и полюбила ключевую воду.

Но все же я еще не доверяла ей. «Погоди, шила в мешке не утаишь,— думала я.— Рано ли, поздно ли, но ты покажешь, чем дышишь».

И показала!

3

Наверное, вы видали в Яворкуте небольшой клочок земли, огороженный колючей проволокой. Там семена лиственницы посеяны. Из-за границы везут эти семена, беречь их надо. Птицы повадились таскать семена. Бюккская птица не боится пугала, может, даже смеется над ним. Рожи была первой среди моих девушек (теперь я иногда называла ее своей девушкой), на земле которой ни единого семечка не пропало. Как она это делала? Это было нелегко! Уже на восходе солнца она была в поле и до заката ходила по меже, отгоняя птиц. Может быть, во всем Бюкке, да, вероятно, и во всей стране не было таких красивых, таких богатых саженцев лиственницы, как те, что росли на земле Рожи. Нелегкая работа — безостановочно ходить по участкам и следить, чтобы не случилось никакой неприятности. Шли дни, недели, Рожи обхаживала участки. Сначала над ней смеялись (и у нас ведь попадаются плохие люди), говорили: «Потерянное кольцо ищет!» Но Рожи не обращала внимания на эти слова. Без устали охраняла свою землю. Дирекция объявила ей благодарность и выдала денежную премию. Деньги она отдала мне, чтобы я, когда буду в Мишкольце, купила ей туфли да чулки. Купила я ей, что она просила, и то, чего не просила. Платье купила, потому что у нее только одно платье было: и на работу и после работы его носила. Теперь уж мы все ее любили, и нам еще больше бросалось в глаза, что Рожи никогда, ну, никогда не смеется. Не умеет смеяться.

Был октябрь, не знаю, какого числа, ближе к двадцатому, что ли, когда я привезла ей из Мишкольца пакет. Она поблагодарила, примерила туфли и платье, что привезла я без ее просьбы, но затем сняла платье и положила в свой сундучок. Я говорю, была вторая половина октября, что-то около двадцатого.

Несколькими днями позднее по лесу разнесся слух, что в Будапеште и в Мишкольце что-то происходит. Что именно происходило, мы не знали и не очень-то понимали. Газеты редко доходят до нас, и радио есть у немногих. Мы были в большом волнении. Я то пересаливала суп, то забывала положить в него соли. Здесь, в Бюкке, люди живут далеко друг от друга, собраний мы не проводим, не любим заседать, но разносчики новостей ходят от лесничего к угольщику, от угольщика к дорожным рабочим и обратно. Мы, кто постарше, еще не забыли, каким был старый мир, и опасались, что снова надо будет работать на графов. Но не очень-то верили, что люди окажутся такими дурнями и сами вернут те скверные времена, о которых и вспоминать нехорошо. И когда девушки спросили, что же будет, я сказала: птица знает, что пугала можно не бояться, а человек знает, что господ нужно бояться, потому что они действительно опасны. На том и пореши-

ли. Но все больше прислушивались к сообщениям по радио. «Неужто? Да не может быть!» — подбадривала я себя. Не знаю, какого числа это случилось,— я это всегда путаю,— в ноябре, что ли, может, первое было, когда двое, студенты вроде, примчались на мотоцикле в Бюкк.

«Ну, люди,— заходил в каждый дом студент, что вел мотоцикл,— теперь очередь за вами. Беритесь за охотничьи ружья! Пошли в город, свободу надо отстоять. Можете идти смело: весь мир с нами, все нам помогают».

«Свободу?» — спросила я, когда они зашли к нам.

«Да, свободу!»

Хорошо был подвешен язык у парня, да только он словно на чужом языке говорил. Когда я спросила его, как надо отстаивать свободу, он ответил: пулями, веревкой, огнем, железом, кровью!

«Если столько стран вам помогает, как вы говорите, на что вам сдалась наша помощь? Ведь мы только простые, бедные люди!» — спросил у него одноглазый угольщик Кошша.

На этот вопрос парень не ответил, а снова заговорил о свободе, о виселицах, об огне и крови. Может, он думал этим разбудить в нас охоту идти в Мишкольц, а на самом деле и у тех охоту отбил, кто пошел бы просто из любопытства. Сколько парень ни говорил о веревке, ни один наш человек не связался с ним.

У обоих парней повисли носы, когда поздно вечером, обойдя половину Бюкка, они вернулись к нашему дому. Они попросили еды и ночлега. Поесть я им дала — картофель с паприкой, но ночевать не пустила. Сначала они просили, потом стали угрожать. Но если я что скажу...

Что отрицать, мои девушки заговорили с парнями, любопытно им было. А тем легко было языки развязать. О стольких порассказали подвигах, совершенных ими в последние дни, что и слушать-то их устали. Но это еще не беда. А вот когда один парень похвалился, что они милиционеров разоружили да нескольких офицеров повесили, а тех, кто остался в живых, в тюремный подвал заперли,— когда я заметила, что произошло, парни уже спасались бегством. Первой схватилась за метлу Рожи. За ней другие девушки: кто палку, кто стул схватил. Но, хвала господу, большой беды не случилось, а маленькая встрепка не событие. Я так считаю: не помешала она двум героям. Теперь-то уж я поверила, что они герои, потому что простые люди и бегать так не могут, как они удирали. Их счастье, что удалось быстро завести мотоцикл. Один из них забыл тут свою темно-зеленую шляпу, можете посмотреть. Если будем пугало ставить, как раз пригодится.

Мотоцикл через несколько мгновений скрылся из глаз наших. Тогда я в первый раз увидела, как Рожи смеется. Я так обрадовалась ее смеху, что не заметила, что она делает. И лишь когда попросила она у Кати Сий красный головной платок, я увидела, что на ней новое платье.

«Ты хочешь идти в Мишкольц?» — спросила я у нее не очень дружелюбно.

«Туда,— ответила Рожи. — Уж отправляюсь»,— продолжала она, повязав на голову платок Кати.

«Сейчас? Поздно вечером? Ночевать дома не хочешь?»

Можете себе представить, я очень сердито спросила. Но Рожи отвечала спокойно:

«Не сердитесь, матушка Мари, мне сейчас же надо идти. Перед восходом солнца я буду в Мишкольце».

«Если ночь проведешь не дома, ноги чтоб твоей здесь не было!».

«Мне надо идти, матушка Мари. Поймите!..»

И ушла. И не одна ушла. Кати Сий, у которой она взяла платочек, побежала вслед. Ну, а остальное уж ты расскажи, Кати!

4

Кати Сий — девушка крепкого сложения. Светло-каштановые волосы она укладывает венчиком, как это было модно в конце прошлого столетия. Она дочь угольщика, выросла в Бюкке, но любит городские платья. Она много и хорошо работает, и все же вечерами, придя с работы в общежитие, находит время, чтобы приодеться. В свободное время Кати читает. В яворкутской библиотеке она берет книги Йокаи и Миксата. А томик Петефи и книга Аттилы Йожефа у нее всегда на столе.

— Ну, начинай уж, Кати, не заставляй себя просить. Расскажи, что вы делали.

Кати с трудом приступает к рассказу. Ее надо подбадривать. По тому, как она говорит, видно, что она многому научилась от сестрицы Мари, но Кати — дитя другого века. Она отступает от древних традиций рассказывания сказок и краткими словами передает суть. Она переживает, заново переживает события.

— Мы вошли в город,— начала она свой рассказ.

— Ночью, пешком? — спросил я.

— Нас застала ночь, ночью и шли. Ехать было не на чем, вот и шли пешком.

— Рожи сказала тебе, куда она так торопится?

— Не сказала. Я не спрашивала, я знала. И вы знаете, если есть у вас сердце... Рассветало, когда мы прошли мимо Диошдьера, и едва занималась заря, когда мы добрались до Мишкольца. Улицы были пустыми, но шумными. Пустыми потому, что мы не видели ни идущих на работу фабричных, ни деревенских телег, привезших продукты на базар. Шумными потому, что группы по четыре — пять очень крикливых людей шатались по улицам с ружьями на плечах. Пока еще было темно, они не привязывались к нам, лишь изредка задевали двумя—тремя злобными словами. Они очень смеялись, когда видели, что мы бежим. Но, когда начало светать, случилась беда. Знаете, красный платок всегда красный, но теперь, когда первые солнечные лучи осветили голову Рожи, словно пламя, засверкал мой платок.

«Стой! Сейчас же сними с головы красный платок, ты, авошская[1] потаскуха!»

Вооруженный человек, который, может, даже и на столечко вот не был старше меня, протянул руку к голове Рожи и вместе с платком ухватил ее волосы. Рожи бросилась на парня.

Спустя четверть часа мы были заперты в подвале. У меня только спина ныла да левая рука болела, а лицо Рожи было все в крови, и, если б я не помогла ей спуститься по лестнице, она определенно бы свалилась. Когда мы очутились в подвале, я уложила ее на грязный пол. Те, кого привели до нас, увидев кровь, дали нам место, хотя там очень много было людей.

«Очень болит, Рожика?» — спросила я.

Она не отвечала. Сжала зубы, закрыла глаза. Но стерпела, когда я носовым платком вытерла ей лицо. Платок насквозь промок, но лицо ее все же оставалось в крови.

«Очень больно, Рожика?»

Она не ответила, но когда я наклонилась к ней, левой рукой погладила мое лицо.

«Отняли платок?» — шепотом спросила она.

«Другой купим, Рожика! Не думай об этом!— Из закрытых глаз Рожи медленно катились слезы, смешиваясь с запекшейся кровью. — Не плачь, Рожика! Из-за платка...»

«Ты знаешь, что я не из-за платка плачу»,— прошептала она.

«Ничего нам не будет. Выпустят нас. Ведь мы ничего не сделали».

«Ты знаешь, что я не из-за этого плачу».

Я уже говорила, что в подвале было очень много людей. Нас набили туда, словно кур в клетку. Там были мужчины, женщины, даже дети.

Когда нас втолкнули в подвал и захлопнулась железная дверь, человек пятьдесят одновременно спросило у нас, что происходит в городе, в стране, в мире. Многие спрашивали, не слышали ли мы что-либо об их родственниках. Но когда они поняли, что мы знаем еще меньше, чем они, на нас перестали обращать внимание. Рожи заснула. Я стояла около нее на коленях.

Иногда открывалась железная дверь и появлялись новые арестанты. Теперь уже новички все были в крови. Стоя на коленях, я задремала. Проснулась я оттого, что длинный, сутулый, совершенно лысый дядя, на котором было помятое старое платье, бранил Рожи и угрожал ей. Но и у Рожи рот не был зашит.

«Из-за такой красной авошской падали сажают нас, религиозных, порядочных людей, истинных венгров! Да еще меня, который всегда только американское радио слушает и перед сном каждый день молится...»

«Такие старые паралитики и канальи, как вы, и очистили место убийцам!» — отвечала Рожи.

«Я старый паралитик, каналья? Ты... ты... срамница!..».

Старик отшатнулся назад, затем наклонился вперед. Он кряхтел, захлебывался от гнева. Маленьким костистым кулаком он ткнул в сторону Рожи. Я вскочила, чтобы загородить ее, но в этом уж не было необходимости.

«Оставьте в покое этих девушек!» — очень тихо, но с угрозой сказал плечистый мужчина с волосами ежиком. На его широком лице были синяки, кровоподтеки. Сильной рукой он схватил злобного старичка за запястье.

К моему большому изумлению, старик пробил себе локтями дорогу в самый дальний угол подвала и оттуда только поглядывал на

[1] АВО — отдел государственной безопасности.

нас с опаской. Наш спаситель склонился теперь над Рожи.

«Ты служила в АВО?» — шепотом спросил он Рожи.

«Нет».

Он сел на корточки рядом с нами и назвал свое имя. Его звали Андрашем Бэнцешем.

— Знаю его! — вскричала сестрица Мари.— Он живет в Омаша, литейщик. И прадед его литейщиком был — для армии Кошута пушки отливал.

Бэнцеш долго говорил с нами, главным образом с Рожи. От этого разговора у меня полегчало на сердце. Мне даже не очень хотелось спать. Но хотелось есть. И мучила жажда.

5

Через четверть часа Бэнцеш начал толкаться среди людей. То там пошепчется, то тут. Иногда он возвращался к нам на одну — две минутки.

Между тем наступил вечер. Бэнцеш и в темноте вел переговоры. Но, как видно, он еще не добился своего. На рассвете раскрылась железная дверь. Теперь нам принесли еду: вареный картофель в большой корзине для белья. Корзину несли две пожилые женщины; пока женщины делили картошку, в дверях стоял солдат с винтовкой. Каждому досталось по две — три картофелины, но некоторым ловкачам побольше. Рожи получила две картофелины, и я столько же. Из тех двух, что достались мне, одна была большая, но плохо проваренная. Все же я съела ее. Когда я покончила с картошкой, Рожи захотела отдать мне свою.

«А ты почему не ешь?»

Как я ее ни уговаривала, она не ела. Конечно, я не взяла у нее картошки: ведь ей она была нужна, может быть, еще больше, чем мне. Мы долго спорили и, вероятно, даже поссорились бы, но от этого нас избавил старик— тот лысый дядя, что вчера хотел ударить Рожи. Он подошел к нам и попросил отдать ему эти две картофелины, из-за которых шел спор. У него, мол, больной желудок... Я и отвечать-то не хотела, но Рожи отдала ему обе картофелины.

Об этом старике позднее я узнала интересные вещи. До 1912 года у него в Мишкольце была маленькая корчма. Он обанкротился и в связи с банкротством каким-то образом нарушил закон. Шестнадцать месяцев он сидел. С тех пор, сколько раз ни менялся в Венгрии режим, он всегда одним из первых являлся к представителям новой власти, плакался на свои обиды и заявлял, что он является жертвой прошлого режима, а поэтому просит удовлетворения и возмещения убытков. До сих пор в подобных случаях всегда происходило одно и то же: его выслушивали, обещали разобрать дело и забывали о нем. Теперь, как видно, он сделал свое заявление в неудачное время, в неудачном месте и в неудачной форме: его не выслушали, ничего ему не обещали, а только посадили. Когда его освободили, он снова явился, снова жаловался и, как я слышала, снова получил какое-то обещание.

В полдень мне уже был известен план Бэнцеша. Одиннадцать человек присоединились к нему. Они решили, когда снова принесут еду, наброситься на солдата с винтовкой, обезоружить его и вырваться из подвала.

«А потом?» — спросила я Бэнцеша.

«Что будет потом, я не знаю. Пожалуй, нас могут убить, но эта смерть будет лучше, чем если нас удушат здесь, как крыс, попавших в крысоловку. В борьбе...»

Я не была убеждена, что мы можем выбирать только между двумя видами смерти. Но Рожи убедила меня. Если бы нам надо было выбирать между жизнью и смертью, это было бы легче.

Однажды вечером дверь не отворилась. Поздно ночью, а возможно, уже на рассвете, мы услышали грохот пушек, затем трескотню пулеметов.

Тюремный подвал ожил. Нас было человек сто, но создавалось впечатление, что кричат по крайней мере двести. Кто стоял вблизи окна, в кровь изодрал руки, колотя кулаками по оконным решеткам, кто находился возле двери, стучал в нее! Когда все охрипли, в подвале наступила тишина. Возле нас очутился лысый дядя в черной одежде, тот, с больным желудком. Он и нарушил тишину:

«Слава богу, прибыли войска ООН!..»

Звонкая оплеуха прервала его восклицание. Не знаю, кто дал по физиономии старому господину, да это и не важно.

Затем вновь наступила глубокая тишина.

Скрипнул замок, железная дверь распахнулась.

Вошли два венгерских милиционера, вслед за ними два советских солдата. В руках милиционеров — револьверы, на плечах у советских солдат — автоматы. У одного из милиционеров левый глаз завязан. Несколько мгновений тишины.

Первым заговорил милиционер с повязкой на левом глазу:

«Люди!..»

«Бени!» — В следующий момент Рожи стояла около милиционера с завязанным глазом. А потом...

Кати Сий замолчала. Она прикрыла глаза — этому она научилась от сестрицы Мари. Кати тоже делала так, когда хотела заглянуть далеко в прошлое или в будущее.

Стемнело, но все же я увидал, а может быть, догадался, что Кати Сий улыбается с закрытыми глазами.

— Ну и... — поторопил я ее.

Только когда я во второй, а может быть, в третий раз повторил вопрос, Кати глубоко вздохнула и тихим голосом закончила историю:

— Через несколько минут мы были на улице. Там стояли танки. У танков — советские солдаты.

— Можете представить, как я ругала обеих девушек, когда они наконец добрались домой! — вставила свое слово сестрица Мари.

6

С героями этой истории я познакомился лично, вернее, увидел их через несколько дней. Бени, который потерял глаз, когда контрреволюционеры осадили здание мишкольцской милиции, теперь работает в лесном хозяйстве; он живет неподалеку от Яворкута, готовится к поступлению в высшую школу лесничих в Шопроне. В январе он женился, а теперь и жену готовит к экзаменам. Я познакомился с ним, когда он навестил меня в надежде, что я могу разъяснить ему один сложный теоретический вопрос. Внешне он такой, как я его себе представлял, но значительно интеллигентнее, чем думает сестрица Мари.

Бэнцеша я узнал, когда он пришел в гости к сестрице Мари. Он намного моложе, чем я думал: ему лет тридцать — тридцать два. Он очень подчеркивал, что пришел навестить тетушку Мари, и поэтому легко было догадаться, что его интересует Кати Сий.

Бэнинэ Фейер, урожденную Рожи Кёкенеш, я тоже видел, но с ней не разговаривал. С террасы яворкутского дома отдыха я наблюдал, как она охраняет от птиц посеянные семена лиственницы. Это изящная, гибкая, очень красивая молодая женщина. Она отважно и без устали вышагивала по участку, словно солдат, охраняющий пороховой склад.

За сосновым лесом сияло солнце, а на голове Рожи, одетой в серенькое рабочее платье, пламенел красный платок.

Перевела с венгерского
Е. ТУМАРКИНА.

ЧЕЛОВЕК *реальной мечты*

Виктор СЫТИН

Герой одного из романов Герберта Уэллса мистер Кэвор изобрел «кэворит» — вещество, непроницаемое для силы тяготения. Фантазия романиста не нашла своего осуществления в жизни. Иная сила оказалась способной преодолевать закон тяготения — сила реакции, отдачи. Она возникает, например, внутри трубки, наполненной порохом, закрытой с одного конца, — простой ракете. Именно эта сила заставляет ракету взлетать, двигаться в сторону, обратную выбросу из трубки раскаленных газов горящего пороха. Именно она создает движение ракеты в воздухе без опоры о воздух, а потому и в безвоздушном пространстве межпланетных просторов.

Великое раскрытие возможностей реактивной силы сделал замечательный русский ученый и изобретатель Константин Эдуардович Циолковский. Еще в то время, когда высота, завоеванная человеком на первых самолетах, похожих на этажерки, исчислялась сотней метров, он создал изумительный, дерзкий и в то же время научно-теоретически обоснованный проект космического летательного аппарата и смело предсказывал завоевание человеком всего околосолнечного пространства.

В работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (она была опубликована в 1903 году на страницах журнала «Научное обозрение») Циолковский впервые рассказал о своем проекте космического корабля-ракеты. И, доказывая расчетами его реальность, заложил первые камни в теоретический фундамент новой отрасли техники — реактивной. Поэтому не будет преувеличением сказать, что скромный калужский учитель математики и физики Константин Эдуардович Циолковский — основоположник современной реактивной техники, ее отец, что его гениальному прозрению человечество обязано как уже свершенными достижениями в авиации сверхзвуковых скоростей, так и несомненными будущими победами в этой области. Искусственный спутник Земли, полет на Луну, Марс — вот вехи движения человека «вверх», по пути, угаданному и определенному Циолковским.

...В истории науки и техники не много людей, столь ярких и самобытных, как Циолковский. Об этом говорят не только его решения технических проблем, но и вся его жизнь.

...Константин Эдуардович Циолковский родился 17 сентября 1857 года. Сто лет назад. Сын бедного многосемейного лесничего, он еще в детстве потерял слух и из-за этого не мог получить систематического образования. Однако уже в юности мечта подарить человечеству надежное, верное средство завоевания воздушного океана дала ему силы овладеть основами физики, математическим анализом, механикой. Эта же мечта вдохновляла его на поиски решений грандиозных технических задач, которые он смело перед собой поставил. Задачи эти были такие: создание надежного летательного аппарата тяжелее воздуха — «авиона» (аэроплана); создание надежного управляемого летательного аппарата легче воздуха — «аэроната» (дирижабля); создание аппарата для полета вне Земли... Делая десятки тысяч расчетов, принимая и отвергая бесчисленное число вариантов с последовательностью и упорством выдающегося исследователя, Циолковский находил решение этих задач, создавая научно-технически обоснованные проекты летательных аппаратов. Циолковский еще в 1894 году опубликовал проект своего «авиона», в котором были предвосхищены формы аэропланов середины нашего века. А за два года до этого он напечатал первую работу о цельнометаллическом «аэронате». Затем своему «аэронату» Циолковский отдал много лет жизни. Цельнометаллический дирижабль был, пожалуй, его наиболее любимым детищем.

Проекты, создаваемые гением Циолковского, намного опережали время. При том состоянии техники, в каком она находилась в конце XIX — начале XX века, ни «авион», ни «аэронат», ни тем более космический корабль не могли быть осуществлены. Циолковский это понимал. Он не раз говорил, что потребуются еще великие усилия многих и многих, чтобы овладеть полетом так, как он замысливал. И, возможно, не задержки с осуществлением проектов составили трагедию жизни замечательного человека. Его трагедия была в непризнании, одиночестве...

Десятилетиями он не мог найти поддержки, ему не оказывали ни моральной, ни материальной помощи. А он нуждался, очень нуждался и в той и в другой! Лишь несколько человек ободряли его, были его друзьями. И их имена надо назвать: это прежде всего калужанин В. И. Ассонов, его сыновья Владимир и Александр, аптекарь П. П. Каннинг, профессор А. Г. Столетов, а также профессор Н. А. Рынин, инженер Б. Н. Воробьев, популяризатор науки Я. Перельман.

Обывательский мир старой, дореволюционной Калуги рассматривал ученого как чудака, собирающегося «лететь на Марс». Пренебрежение, равнодушие, насмешки, косное невнимание к его трудам почти сломили Циолковского, его деятельный ум новатора стал угасать, и гордая душа творца затуманилась сомнениями, пессимистическими мыслями. И, конечно же, погиб бы он в безвестности, не свершись сорок лет назад великих социальных перемен.

И случилось закономерное и в то же время изумительное: второе рождение человека. В Советской стране Константин Эдуардович Циолковский стал одним из самых известных деятелей науки и техники. Материальные невзгоды, а попросту нищета, преследовавшие его шесть десятилетий, отошли в прошлое. Уже в первые годы Советской власти по указанию В. И. Ленина калужский учитель математики получил пенсию, он был избран в члены Социалистической академии. А самое главное, — он говорил это многим и мне в том числе, — жизнь в советском обществе прекратила его одиночество.

Академии, Ассоциация натуралистов, журналы, газеты живо заинтересовались работами Циолковского. С окончанием гражданской войны в Калугу стали приезжать воздухоплаватели и инженеры за консультацией. Известные ученые и простые рабочие обращались к нему с просьбами рассказать о его проектах летательных аппаратов. И это было закономерно, естественно.

Внимание и заботы нового общества вызвали к жизни прилив творческой энергии у, казалось

К. Э. Циолковский. 1934 год. Фото М. Лаврова.

бы, уже уходившего на покой ветерана. Циолковский начинает снова интенсивно и плодотворно работать...

Он разрабатывает так называемую «составную», или «ступенчатую», ракету; именно на такой ракете будут в скором времени заброшены за пределы земной атмосферы первые искусственные спутники Земли. И уже сейчас совершила удачный полет советская межконтинентальная баллистическая ракета.

Ракета имеет несколько реактивных двигателей с соответствующими запасами горючего и окислителя. По мере использования их баки и двигатели, как составные части ракеты, отбрасываются, и облегченная система ускоряется оставшимися двигателями. Вырвавшись к пределам атмосферы, где практически нет воздуха, она на тысячекилометровой высоте описывает своеобразную дугу и с огромной скоростью устремляется вниз, в предназначенный ей пункт. Большая меткость попадания — вот что характеризует эту ракету.

Бескрылый цилиндрической формы корпус ее с заостренной обтекаемой головной частью снабжен аппаратурой для автоматического управления с Земли. Запускается ракета с небольшой стартовой площадки, которую легко оборудовать в любом месте. Так советские инженеры блестяще осуществили замечательную идею великого ученого о создании многоступенчатой ракеты.

...Циолковский работал также над проектом «стратоплана полуреактивного», с двигателями, которые в значительной мере предвосхищали, например, двигатели нового нашего высотно-скоростного пассажирского самолета «Украина»...

Биограф Циолковского инженер Б. Н. Воробьев подсчитал, что за все годы до революции Константин Эдуардович смог опубликовать всего около 50 работ, а за 17 лет жизни при Советской власти — свыше 150 книг, брошюр и статей.

Эти цифры одновременно свидетельствуют об интенсивности творческого горения Циолковского в последние годы жизни и о внимании нашей общественности к этому творчеству.

Весной 1935 года, после того, как его постигло большое личное горе: умер любимый внук,— Константин Эдуардович почувствовал резкое ухудшение здоровья. Он понял, что дни его сочтены. Но он продолжал работать.

В марте, отвечая юным техникам с Урала, Циолковский написал замечательное завещание молодежи. О нем нельзя не вспомнить сейчас. Вот оно:

«Не только молодые люди, но даже дети иногда приходят в отчаяние от препятствий и неудач.

Берегите жизнь, дети, и вам останется впереди 60—70 лет работы, в течение которых вы сможете, если захотите, достигнуть многого. Но всю жизнь надо стремиться к высшему и учиться. Смешно, что мне жалуются ребята чуть не с 10 лет: их-де изобретения и мысли не осуществляются или не принимаются. Как же мы-то терпели многие десятки лет и едва-едва кое-чего достигли. Мы же не имели детских технических станций и тех хорош их условий, в которые поставлены вы. Берегите силы, улучшайте жизнь, всегда учитесь и никогда, никогда не падайте духом. И вы, наверное, достигнете успехов в своих стремлениях быть полезными людям. Еще раз привет вам от дедушки Кости.

31 марта 1935 года.

гор. Калуга».

А через несколько месяцев в письме ко мне он писал, что «очень слаб и болен», что вряд ли мы сможем еще увидеться. И было до слез больно читать эти слова и в то же время держать в руках присланную в том же конверте с припиской «Еще не напечатанная» статью «Авиация, воздухоплавание и ракетоплавание в XX веке» — статью вдохновенную и прозорливую, как бы подводящую итог его же собственным всежизненным мечтам.

...Через месяц Константин Эдуардович умер. И в свой смертный час, адресуясь к ЦК ВКП(б), сделал второе свое завещание:

«...Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры...»

Тысячи тысяч советских людей добрым словом помянут имя своего замечательного соотечественника в день столетия со дня его рождения. И не нужно быть прозорливцем, чтобы, предвидя будущее, сказать: пройдут столетия и столетия, а величие научного подвига скромного калужского учителя математики будет не умаляться, а расти. И, наверное, будет так и в пятисотую и в тысячелетнюю годовщину: в один и тот же миг радио или еще какое-либо столь же всеобщее и быстрое средство общения напомнит миллионам миллионов людей о событиях далекого прошлого, о жизни и трудах человека реальной мечты.

ДРАГОЦЕННЫЕ КИНОКАДРЫ

Киносъемка донесла до нас живой облик К. Э. Циолковского. Кинооператоры хроники снимали его несколько раз. Большинство съемок производилось в Калуге, где жил великий ученый.

В 1932 году ученый был снят в саду — за работой и в кругу своей семьи за завтраком.

В 1932 году кинооператоры Р. Кармен и М. Ошурков сннмали выступление ученого на торжественном заседании в Колонном зале Дома союзов, посвященном 75-летию со дня его рождения.

К 100-летию со дня рожденни ученого Ленинградская студия кинохроники выпускает большой документально-биографический фильм о К. Э. Циолковском, в который включены и эти кадры.

В. ХОДОРКОВСКИЙ

БЕССМЕРТИЕ

Л. АРГУТИНСКАЯ

...В зимнюю ноябрьскую морозную ночь 1941 года фашисты под Москвой, в селе Петрищеве, захватили в плен молодую партизанку. Когда на допросе немецкий офицер спросил, как ее зовут, девушка коротко сказала:

— Таня!

Это была Зоя Космодемьянская. Озверевшие фашисты беспощадно пытали и мучили девушку, требуя, чтобы она сказала, где находятся партизаны. Но Зоя отказалась отвечать, ни один стон не сорвался с ее губ.

О чем думала Зоя в последние часы своей жизни? Может быть, она вспоминала тот день, когда ее принимали в комсомол и она, как клятву, произнесла обещание отдать Родине все свои силы, а если нужно, и жизнь? Может быть, вспоминала о той героической девушке Тане, именем которой назвала себя на допросе? Кто она, эта девушка Таня?

...Несколько лет назад вышла книга Л. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре». Мать рассказывает, как они втроем с Зоей и Шурой читали очерк «Татьяна Соломаха», напечатанный в сборнике «Женщина в гражданской войне». Зоя читала вслух. Когда она дошла до того места, где описано, как белогвардейцы пытали Татьяну Соломаху, всегда выдержанная Зоя заплакала.

«Потрясающая сила и чистота, которой дышал облик Тани, заставили в тот вечер плакать не одну только Зою».

И уже гораздо позже, после гибели Зои, Шура сказал матери:

«— Знаешь, почему она назвалась Таней? Помнишь Татьяну Соломаху?

Тогда,— пишет Л. Космодемьянская,— я вспомнила и сразу поняла все. Да, конечно, это о той далекой, давно погибшей девушке думала она, когда назвала себя Таней».

Татьяна Соломаха!..

В 1936 году редакция «Истории гражданской войны» попросила меня написать очерк для сборника «Женщина в гражданской войне». Кто-то сказал, что в редакцию заходил партизан Николай Григорьевич Соломаха и рассказывал о своей сестре Татьяне, героически погибшей в 1918 году.

Я нашла Николая Григорьевича, привела к себе домой и до поздней ночи слушала его рассказ о сестре. Но материала для очерка не хватало. Я собирала его по крупинкам, списывалась с товарищами, учениками, родственниками Татьяны, волновалась и долгое время только и жила мыслями о Татьяне Соломахе.

...У меня на письменном столе стоит фотографическая карточка девушки с тонким, красивым лицом, обрамленным кудрявыми завитками. На ней вышитый украинский костюм, вся грудь увешана бусами, а через плечо свисает до колен толстая коса. Я смотрю на девушку, и перед глазами снова проходит замечательная жизнь Татьяны Соломахи...

Она родилась в станице Попутной, Отрадненского района, Краснодарского края, в семье сельских учителей. Таня росла живой, веселой девчонкой, дралась с мальчишками, ходила на рыбную ловлю, ездила в ночное, любила петь и танцевать.

К отцу заходили волчники [1], они потихоньку рассказывали о тяжелой жизни народа, призывали бороться против произвола и опять куда-то исчезали.

Как-то в руки Тани попала книга стихов Шевченко. Она несколько раз с начала и до конца прочла эту книгу. И на всю жизнь запомнила, как боролся Тарас Григорьевич за угнетенный народ, как его мучили и преследовали, а он никого не боялся и писал свои прекрасные стихи, которые в народе становились песнями.

Неизгладимое, потрясающее впечатление на Татьяну Соломаху произвел «Овод». И, уже окончив гимназию, став учительницей в школе станицы Попутной, она как-то сказала брату Николаю:

— А ты думаешь, я не знаю, зачем живу? Всю свою жизнь хотела бы отдать за народ. Иногда я себя представляю на баррикадах, в тюрьме. Может быть, меня расстреляют, так же, как и Овода. Мне кажется, что я по каплям отдала бы всю свою кровь, только чтобы людям жилось легче.

Как-то к отцу зашел студент. Он долго говорил о том, что империалистическая война должна стать войной гражданской, что пролетариат должен взять власть в свои руки, и, уходя, оставил Тане книжку. На обложке было напечатано имя: «Ленин».

Еще до Февральской революции Татьяна вступила в Коммунистическую партию и была делегатом первой областной партийной конференции. А после Октября ее назначили продкомиссаром.

Она вся ушла в работу. В станице надо было организовывать Советскую власть, формировать партизанский отряд, отбирать для бойцов и населения запрятанное у кулаков продовольствие.

Разгоралась гражданская война. Офицерство поднимало кулаков против Советов. Станицы переходили из рук в руки. Летом восемнадцатого года белые начали наступление, заняли Екатеринодар, Армавир. Красная Армия отступала к Невинке и Ставрополю, где шли непрерывные кровопролитные бои. После тяжелого боя с белогвардейцами вместе с партизанским отрядом ушла из станицы Попутной Татьяна Соломаха.

Она прекрасно ездила верхом и стреляла почти без промаха. Во время походов она не отставала от бойцов, шла бодрым, размашистым шагом, и ее смех и песни далеко разносились по степи.

По дороге случилось несчастье: Татьяна заболела сыпным тифом. Не желая отставать от отряда, она ехала на подводе, в обозе. Как-то обоз остановился в селе Козьминки. Неожиданно налетели белогвардейцы и, обойдя партизанский отряд, ворвались в село.

Татьяна не могла бежать и попала в плен к белым. Вместе с группой арестованных ее привезли в станицу Попутную. Тюрьма находилась в тесном, маленьком здании. На холодном полу лежали больные — здоровым негде было прилечь. При свете каганца на стенах были видны темные кровавые пятна.

Каждый день в течение месяца Татьяну выводили на площадь и били шомполами, требуя, чтобы она выдала партизан. Ее пороли всегда первой, и никого не били так жестоко. Ей мстили за то, что она не кричала, не просила пощады, а смело смотрела на своих палачей. Ее били за то, что она, учительница, образованный человек, ушла к большевикам и никого не выдала.

Часто в тюрьме она собирала около себя товарищей и долго рассказывала о партии, о борьбе с белыми, о Ленине.

— Советы временно отступили, но они крепки, скоро вернутся, и тогда будет новая, прекрасная жизнь. Нас могут убить белые. Но дело наше не умрет. Надо только стойко переносить все пытки, чтобы весь народ увидел, что мы сильны, что нас сломить нельзя.

Ночью 7 ноября 1918 года белые выгнали из тюрьмы восемнадцать арестованных. Среди них была и Татьяна Соломаха.

В дверях она остановилась и крикнула тем, кто остался в тюрьме:

— Прощайте, товарищи! Пусть наша кровь не пропадет даром. Скоро придут Советы!

Избитые, окровавленные, люди еле держались на ногах, но никто не сел на подводу. Взявшись за руки и поддерживая друг друга, они медленно шли по темной пустынной улице станицы Попутной. Шли босые, в лохмотьях. Было холодно, дул ветер. И вдруг в ночной тишине раздался звонкий голос Татьяны:

— «Вставай, проклятьем заклейменный!..»

Товарищи подхватили гимн. Звуки росли, ширились и уже далеко разносились над спящей станицей...

Офицер приказал замолчать, но люди продолжали петь. На них набросилась стража, била непокорных, но ни один человек не смолк.

За станицей их заставили рыть могилу. Люди прощались, обнимали друг друга, жали руки. Никто не просил пощады. Татьяна Соломаха гордо крикнула палачам:

— Вы можете казнить нас, но Советскую власть вы не убьете!

Белогвардейцы бросились на беззащитную толпу и стали шашками рубить людей. В раннее осеннее утро белые зарубили восемнадцать арестованных. Последней была Таня. Верная своему слову, она не просила пощады...

...Недавно Отрадненский райком комсомола пригласил меня на празднование столетия районного центра — станицы Отрадной, Краснодарского края. Я с радостью поехала на Кубань, где в годы гражданской войны бился против белогвардейцев наш партизанский отряд.

По дороге в Отрадную машина остановилась в станице Попутной. Мы с товарищами осмотрели школу, где учила ребятишек Татьяна Соломаха, и небольшое кирпичное здание бывшей тюрьмы. Вот здесь когда-то на земляном полу лежала она, измученная и истерзанная, здесь разговаривала с товарищами, думала о Родине, горячо веря в близкую победу Советской власти.

Мы прошли на могилу. Среди густой зелени над братской могилой возвышался высокий белый обелиск. У подножия его лежали свежие яркие цветы.

Мы молча склонили головы. Сзади полукругом выстроились мальчики и девочки. Я стала рассказывать ребятам о Татьяне и Зое. И по тому, как они слушали, по их серьезным, сосредоточенным лицам я поняла: нет, не умерла Татьяна Соломаха, не умерла Зоя Космодемьянская, назвавшая себя на допросе гордым именем «Таня» и повторившая ее бессмертный подвиг!

[1] Волчники — так называли политических ссыльных, получавших вместо паспорта «волчий» билет, по которому они нигде не могли прописаться.

Вокруг костюма

В. ЯКОВЛЕВ,
Л. РОГАЧЕВСКИЙ

Фото Р. Лихач.

Просторный зал выставки уставлен манекенами.

О пуговицах и прочем

Признаться, нас поразило извещение в витрине столичного ателье № 12 «Мосиндодежды». Оно сообщало, что здесь продаются костюмы. Как известно, ателье шьет одежду по заказу. Почему же оно вдруг решило конкурировать с магазинами готового платья?

На наш недоуменный вопрос ответил директор ателье Федор Георгиевич Александров:

— Всегда найдутся заказчики, которые будут недовольны или шитьем или фасоном. Приходится возвращать им деньги.

— И много бывает таких недовольных?

— Десять — пятнадцать в месяц.

Вот они перед нами, эти «невостребованные» обновки. Если внимательно присмотреться к ним, то можно обнаружить в каждой какой-то дефект. Для работников ателье это стало, видимо, обычным. Однако заказчикам трудно с этим примириться. В самом деле, ведь само название ателье — «Индпошив»—индивидуальный пошив — сулит им всякие блага. К их услугам большой выбор материалов, квалифицированные закройщики, наконец, шитье не бригадным способом, когда один пиджак по операциям шьют сразу шесть — семь человек, а индивидуальным. Словом, это ателье «люкс», и можно понять разочарование заказчика, который с каждой примеркой убеждается в том, что костюм его далек от совершенства и очень близок к изделиям захудалого кустаря. И вот наступает развязка. Заказчик окончательно убеждается, что хотя его костюм шила не бригада, а один портной, он не стал лучше. В витрине ателье появляется еще один костюм, предназначенный для продажи.

Директор ателье «люкс» говорил обо всем этом как о чем-то вполне закономерном. Но нам многое осталось непонятным. Нужны ли, например, так называемые ателье «люкс», если они, в сущности, ничем не отличаются от подобных же мастерских первого разряда? В чем их преимущества, если даже ассортимент тканей одинаков во всех ателье «Мосиндодежды»?

Кстати, об ассортименте. На прилавке ателье «люкс» лежало несколько рулонов темных материалов. Мы спросили: почему у вас нет светлых, легких тканей, на которые сейчас большой спрос?

Ответ мы получили на базе треста «Мосиндодежда». Заглянув туда вместе с начальником производственного отдела треста Ю. А. Михайловым, мы увидели исключительно большой выбор светлых материалов самых разных расцветок. Почему же их не видно в ателье? Вероятно, они появятся там тогда, когда заказчик будет уже заинтересован в темных, зимних тканях.

С отставанием от сезона, увы, столь типичным для легкой промышленности, в тот же день мы встретились еще раз, затеяв с закройщиком разговор о пуговицах. В ателье нет красивых, разнообразных по расцветкам, и в частности светлых, пуговиц. С базы почему-то поступают только черные, темно-коричневые пуговицы устаревших фасонов. Портные отлично знают, как порой уродливые пуговицы могут испортить самый красивый костюм. Знают... и виновато разводят руками:

— Пуговичная проблема еще не решена!

Но ведь в Москве находится одна из крупнейших в Советском Союзе пуговичных фабрик! Что же она выпускает? Мы поехали на фабрику имени Балакирева. С 1888 года вырабатывает она пуговицы. Перед нами объемистый альбом с последними образцами. Глаза разбегаются от обилия цветов и форм. Если судить по образцам, фабрика непрерывно выпускает все новые и новые фасоны и среди них немало прекрасных пуговиц для мужских костюмов.

— Вот, например, эти серые, — говорит директор фабрики М. Е. Бруштейн. — Мы их недавно освоили. Не правда ли, хороши к летнему костюму?

Мы соглашаемся с директором. Пуговицы действительно хороши. Но вот мы заходим в первое на нашем пути ателье «Мосиндодежды» — в ателье № 19, которое находится рядом с пуговичной фабрикой. И что же? Там к пиджакам пришивают все те же черные и темно-коричневые пуговицы.

— С пуговицами по-прежнему плохо,—жалуется директор ателье М. Б. Позняков.

— Но мы же только что видели на фабрике много новых фасонов!

— Что там на фабрике, я не знаю. Вам, наверное, показывали образцы, а когда-то еще их станут выпускать тысячами!

Но представим, что вам повезло. В ателье предложили красивый материал, хороший приклад. Где-то вы достали пуговицы в тон будущему костюму. Однако не спешите радоваться. Костюм надо хорошо сшить. Как и в каждом искусстве — а шитье костюма — это, конечно, искусство,— здесь нельзя обойтись без мастерства художника. В ателье таким художником является закройщик. Если он не обладает чувством линий, отличным вкусом, вряд ли вы будете довольны своим новым костюмом.

Спор на выставке

Вкус закройщика! О нем стоит поспорить, несмотря на известную поговорку, согласно которой о вкусах не спорят.

Спор этот разгорелся на выставке несколько необычной.

Есть в Москве организация с замысловатым названием «Мосгоршвейремонтодежда»; 435 ее ателье обслуживают сотни тысяч людей. Каждый год закройщики этих ателье, разбросанных по всей Москве, отчитываются в своем искусстве на специальной выставке. Мы побывали на такой традиционной выставке лучших работ и у первого же манекена стали свидетелями спора двух закройщиков.

Спор разгорелся вокруг серого однобортного пиджака. Он был, конечно, хорош, с его спокойными линиями, чуть покатыми плечами, выделанной грудью. И все же эта отличная работа вызвала сомнение у опытного мастера Трифонова.

— Вы поглядите, как грудь сделана, это же каждому должно понравиться! — убеждал своего собеседника закройщик Николай Исайкин, «автор» серого пиджака.

— Каждому? — с сомнением качает головой Трифонов. — Плохо вы еще, видимо, знаете нашего заказчика! Что ему мода? Ему подавай пиджак в талию и брюки пошире.

— Вот и неправильно, — горячо возражает Исайкин. — Не надо пугать заказчика модой. Ему надо просто объяснить, что это красиво и удобно.

— Хорошо здесь, на выставке, говорить,— скептически улыбается Трифонов. — А вы попробуйте убедить человека, пришедшего к вам в ателье.

— И убеждаю, — говорит Исайкин.—Считаю своим долгом убеждать.

— И удается?

— В большинстве случаев удается. Я вот сейчас отрезной бочок шью. Такой крой очень удобен, вещь сидит отлично.

— А что если заказчик отрезным бочком будет недоволен, если спросит: почему вы мне материал испортили?

— Об этом меня еще никто не спрашивал, — не без гордости заметил Исайкин. — За хорошую вещь никто не поругает.

— Хорошая вещь — понятие растяжимое, — не сдавался Трифонов, — а мода — дело преходящее. Поэтому я и считаю, что нам, закройщикам, нужно выполнять желания заказчиков — и все. А то, неровен час, на неприятности нарвешься.

Тогда Николай Исайкин снял с манекена серый пиджак и предложил:

— Наденьте!

Трифонов надел.

— Ну что, модный это пиджак? — наступал Исайкин. И сам ответил: — Модный. А ведь он не один год послужит и всегда будет красив, потому что есть в нем золотая середина и нет той утрированности, которая пугает многих заказчиков. Ну скажите, нравится?

— Работа чистая.

— Да дело ведь не в работе. Этим портные должны гордиться, а мы, закройщики, обязаны выпускать красивую одежду и вкусы у людей развивать. Развивать!.. — подчеркнул свою мысль Исайкин.

Спор был прерван, начиналось обсуждение выставленных работ. Один из посетителей, вместе с нами слышавший разговор двух закройщиков, заявил:

— Вы поглядите, как грудь сделана!— говорит закройщик Николай Исайкин.

— На выставке все костюмы хороши, а вот в ателье они почему-то выглядят похуже.

Мы решили пойти по следам спора, разгоревшегося вокруг серого пиджака.

Фальшивые плечи

Четыреста тридцать пять вывесок ателье «Мосгоршвейремонтодежды» похожи друг на друга, как близнецы. Только номера и названия районов отличают их. На каком же ателье остановиться? Правда, мы уже знали, что в ателье № 11 Сталинского района работает известный закройщик Тарасов, а в ателье № 6 Бауманского района — не менее популярный закройщик Шнейдерман. Мы решили побывать в самом рядовом ателье, которое помещается подальше от центра. Так мы попали в район шоссе Энтузиастов, в ателье № 6 Калининского района.

Перед нами закройщик Алексей Иванович Красавин, человек уже немолодой, видимо, опытный мастер. Он показывает нам свою последнюю работу—синий костюм из добротной ткани. Но почему у нового пиджака такая плоская грудь, а плечи начинены толстым слоем ваты? Почему столь широки рукава?

Выслушав наши вопросы, Алексей Иванович пояснил:

— Такова воля заказчика. Впрочем, вы сами с ним сможете побеседовать: должен сейчас явиться за костюмом.

— А на примерках он был доволен?

— Не жаловался.

— Вы не пробовали объяснить заказчику, что так шили двадцать лет назад?

— Ну что, порядок? — спросил Красавин.

— Но чем же это плохо? И потом, я считаю, что если человек требует, наш долг — выполнять. Носить-то ему!

Перед нами на сей раз пиджак был не серый, а синий, но разговор вокруг него начинался все тот же, что и на выставке. Не успели мы подумать об этом, как в комнату вошел и сам заказчик — прекрасно сложенный, рослый, плечистый человек.

— На такую фигуру и шить-то одно удовольствие! — говорит Красавин, подавая пиджак. Но как мгновенно изменился атлетически сложенный человек, надев пиджак! Куда исчезли тонкая талия, широкие покатые плечи? Мы невольно взглянули на закройщика. Алексей Иванович Красавин был спокоен, невозмутим. Его, видимо, ничуть не поразила молниеносно свершившаяся на наших глазах трансформация.

— Ну что, порядок? — спросил он, профессиональным жестом оглаживая костюм.

— Как будто бы порядок, — неуверенно согласился заказчик.

— Но так шили много лет назад. Вот посмотрите.

И мы раскрыли лежащий на столе альбом мод за 1938 год. На одном из рисунков был изображен молодой человек точно в таком же костюме: чрезмерно широкие брюки, фальшивые ватные плечи.

Алексей Иванович Красавин не принимал участия в разговоре. Судя по всему, он считал свою миссию законченной. Закройщик, конечно, понимал, что в сшитом им костюме все так же утрированно широко, как в костюмах стиляг утрированно узко. А все, что утрировано, вычурно, нарочито, будь то широкая или узкая штанина, не имеет ничего общего с хорошим вкусом.

Но у этого закройщика была своя точка зрения:

— Наше дело маленькое. Как заказчик прикажет...

Чудесное превращение

Покинув ателье № 6, мы вспомнили, что в этом же районе в ателье № 1 работает наш знакомый, Николай Георгиевич Исайкин. Нам захотелось навестить его, а заодно и проверить, прав ли был тот посетитель выставки, который заявил, что в ателье костюмы выглядят почему-то не столь эффектно, как на выставке.

— Сегодня у меня волнений много, — рассказывает Николай Исайкин. — Сдаю один интересный костюм. Понимаете, попался молодой человек, а фигура не из легких: грудь впалая и одно плечо выше другого. Пришлось с ним поспорить. Все боялся, что костюм чересчур модным получится. Убедить-то я его убедил, но сейчас не знаю, будет ли доволен. Вот жду. После работы явится.

В ожидании заказчика, слесаря одного из соседних заводов, мы беседуем с Николаем Исайкиным. Он рассказывает нам, что с пятнадцати лет начал учиться портняжному делу. Потом окончил курсы закройщиков и теперь продолжает повышать свое мастерство.

Недавно он ездил в Таллин и Ригу: там есть хорошие мастера. Учился новому крою у чехословацкого мастера Иозефа Груби, приезжавшего в Москву.

Открылась дверь, и заглянувшая в нее приемщица сообщила:

— Николай Георгиевич, товарищ пришел.

В кабине Исайкина нас ждал худощавый, несколько сутулый молодой человек. Но как преобразился он, надев свой новый костюм! В одежде не было ничего броского, но она делала человека стройнее, словно расширяла, распрямляла его плечи.

— Нравится? — спросил Николай Исайкин своего заказчика.

Тот ответил ему с благодарной улыбкой:

— Нравится. Спасибо!

...Многое еще надо сделать, чтобы заказчик был доволен костюмом, сшитым в ателье. Но в первую очередь нужно позаботиться о подготовке кадров закройщиков, для которых проблема красивого костюма была бы поистине творческой. Тогда и сама проблема костюма в том виде, в каком она существует сейчас, исчезнет.

После выступлений «Огонька»

Еще раз о новом экскаваторе

В № 25 журнала «Огонек» был опубликован очерк «Потерянные миллионы». Речь шла о низком качестве нового экскаватора «Э-302», выпускаемого двумя кооперированными заводами: Калининским и Ленинградским.

Редакция получила много писем читателей: работников Ленинградского и Калининского заводов, экскаваторщиков, производственников, заинтересованных в освоении новой техники. Особенно низкую оценку новой машине дают экскаваторщик С. Дударов (Москва) и Г. Балибардин (Сталинград), указывающие в своих письмах на ряд серьезных дефектов машины.

В большинстве писем читатели высказывают недоумение: почему «Э-302» был запущен в серийное производство еще тогда, когда не все его конструктивные недостатки были устранены?

Комиссия, работавшая на Калининском и Ленинградском заводах, установила, что претензии экскаваторщиков справедливы. Хотя новый экскаватор и является современной машиной данного класса и по своим конструктивным решениям не имеет органических дефектов, но в процессе проектирования, изготовления и испытания опытных образцов, а также запуска в серийное производство была допущена некоторая поспешность. И вину за это в первую очередь несет бывшее Министерство строительного и дорожного машиностроения и, в частности, заместитель министра тов. Н. Гречин. Бюро Калининского обкома КПСС, специально занимавшееся вопросом освоения производства «Э-302», отметило в своем решении, что бывшее Министерство строительного и дорожного машиностроения, зная о крупных конструктивных недоработках «Э-302», запустило экскаватор в серию на Калининском экскаваторном заводе без достаточных предварительных испытаний опытного образца.

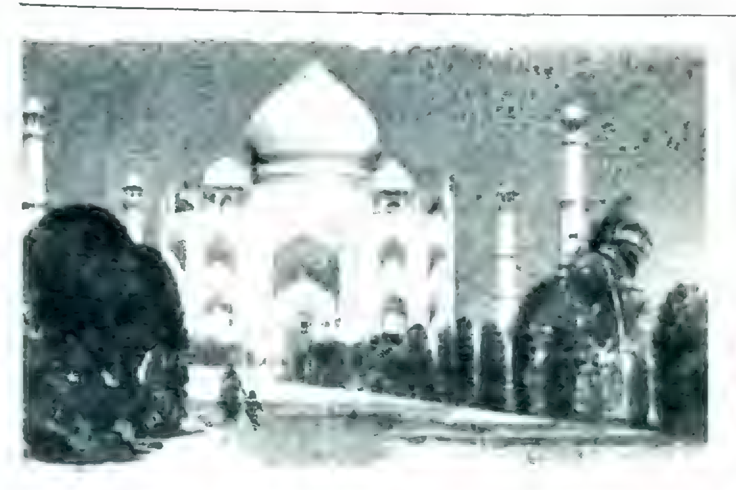
Ненужная в данном случае поспешность и привела к отдельным конструктивным и технологическим недоработкам. Освоение новой машины осложнилось из-за неправильной позиции некоторых работников Калининского завода. Вместо того, чтобы принять все меры для быстрейшей ликвидации выявленных конструктивных и технологических недостатков новой машины, здесь вообще стали встречать ее «в штыки», отрицая необходимость выпуска «Э-302». Что насается Ленинградского завода, то он не проявил оперативности по внесению необходимых исправлений в рабочие чертежи.

Как показала работа комиссии, ряд дефектов «Э-302» — результат низкой культуры производства на Калининском заводе, высокого процента брака, особенно по литью. Руководство Калининского завода — директор тов. Долбанов и прежде всего главный инженер тов. Самборский, — бывшие руководители Главэкскаватора тт. Беляк и Солнцев не приняли своевременных мер, которые обеспечили бы устранение недостатков, мешающих выпуску машин отличного качества. Комиссия установила, что и на Ленинградском и особенно на Калининском заводах уровень технологии и культуры производства еще никак не отвечает большой задаче, поставленной перед этими предприятиями, — дать экскаваторы отличного качества.

Калининский обком КПСС и совнархоз наметили ряд мер, реализация которых поможет коллективу Калининского завода быстро устранить серьезные дефекты в новой машине. Сейчас завод выпускает экскаваторы, которые дают часовую выработку грунта больше той, которую давали машины «Э-302» первой партии. Технология сборки машин новой партии улучшена, их себестоимость постепенно снижается.

Следует отметить, что в очерке «Потерянные миллионы» цифры стоимости и часовой выработки «Э-302» первых выпусков сравниваются с данными старой машины «Э-353» последних выпусков, что и создавало не вполне точную картину большого разрыва между технико-экономическими показателями этих двух машин.

Коллективы Калининского и Ленинградского заводов должны в короткий срок довести новую машину до такого уровня, чтобы она полностью удовлетворяла справедливым высоким требованиям советских экскаваторщиков. Мы надеемся, что в недалеком будущем получим от них письма с благодарностью производственникам за хорошую машину.

Из серии «По Индии»

В. С. КЛИМАШИН

САЙФУДДИН КИТЧЛУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕИНДИЙСКОГО СОВЕТА МИРА

НОВЫЕ КИНОФИЛЬМЫ ИНДИИ

Ходжа Ахмад АББАС

Развитие искусства неминуемо отражает идеи своего времени. Это можно проследить очень наглядно и на нашем, индийском киноискусстве. Двадцать два года назад в Индии был поставлен замечательный фильм под названием «Девдас» (по имени героя). В основу сценария был положен рассказ известного бенгальского писателя Сарат Чандра Чаттерджи о переживаниях современной молодежи, которой общественные условности не давали самой решать свою личную судьбу. Девдас, сын помещика, полюбил Парвати, дочь соседа-бедняка. Кастовые предрассудки и разное социальное положение их семей помешали любящим соединить свою жизнь. Парвати выдали замуж за старого вдовца, а Девдас с горя начал пить и трагически погиб.

Чаттерджи раскрыл волновавшую его тему с такой глубиной и знанием человеческой психологии, которые до него не удавались другим писателям. Фильм «Девдас» имел необычайно сильный успех, особенно у молодежи. Слово «девдасизм» стало служить определением пессимистических настроений тех, кто потерпел неудачу в любви.

В 1956 году был вновь поставлен фильм по этому же рассказу. Постановщиком оказался известный режиссер Бимал Рой, — его кинокартину «Два бигха земли» знают в Советском Союзе. Главную роль в новом фильме Бимал Роя играет Дилип Кумар — один из лучших индийских трагических актеров. По операторской технике и актерскому исполнению этот фильм значительно лучше первого. И тем не менее он не имел большого успеха. Причина этого ясна: социальные условия и соответственно настроения людей существенно изменились. Кастовые различия уже не имеют прежней силы, власть крупной земельной собственности отживает свой век. Среди народа все более широко укрепляются новые социальные идеи, связанные с преобразованиями в деревне и индустриализацией страны. Пессимизм и обреченность перестали быть популярной темой.

Интересно отметить, что поставленный примерно в то же время фильм «Пиаса» («Жаждущий»), наоборот, имел неимоверный успех у публики. В нем также была показана любовная драма: бедный молодой поэт влюбляется в девушку, с которой дружил в годы учения в колледже, но она предпочитает стать женой богатого. Если в фильме «Девдас» были показаны лишь переживания героя, то «Пиаса» вскрывает эксплуататорский характер капиталистической системы, о которую разбиваются романтические мечты юношей и девушек. В противоположность трагическому концу «Девдаса» герой фильма «Пиаса» бросает вызов обществу: он решает строить новую жизнь с женщиной, которую социально-экономические условия толкнули на дурной путь.

Два этих фильма, созданные в разные периоды времени, говорят о наступивших в жизни Индии существенных переменах.

Среди прогрессивных режиссеров-продюсеров Индии выделяется последнее время молодой бенгальский кинорежиссер Сатиаджит Рой. Уже первый его фильм — «Патер панчали» («Песнь о дороге»), — полный поэзии и реализма, был удостоен государственной награды — Золотой медали президента, а также получил признание на международных кинофестивалях. Рассказывая о семье, которая была вынуждена покинуть родную деревню, киноповествование это в живой и яркой форме показывает загнивание и распад феодальной системы. В своем втором фильме — «Апараджит» («Непокоренный») — Сатиаджит Рой продолжает начатый им кинорассказ о той же семье. Этот новый фильм, безусловно, заслуживает того, чтобы с ним ознакомились в Советском Союзе.

В нынешнем году Золотая медаль президента была присуждена другому реалистическому и тоже бенгальскому фильму — «Кабуливала» («Человек из Кабула»). Тем же духом реализма проникнуты и два фильма, поставленные недавно под руководством Раджа Капура молодыми режиссерами. Первая из этих работ — «Джагтай рабо» («Под покровом ночи») — только что демонстрировалась на кинофестивале в Карловых Варах и получила первую премию. Этот рассказ с экрана всего о двух часах жизни человека занимает ровно столько же времени. Радж Капур, исполнитель главной роли, пожертвовал своей интересной внешностью для того, чтобы создать правдивый образ бедняка-крестьянина, пришедшего в город в поисках работы. Этого тихого, скромного, забитого человека в лохмотьях по ошибке принимают за вора, гонятся за ним. Спасаясь от преследователей, бедняк попадает в многоэтажный дом. Здесь с беглецом происходит множество печальных недоразумений, но сам он обнаруживает в каждой квартире этого буржуазного дома, населенного «цветом общества», какую-нибудь подлость, прикрытую внешней «порядочностью».

Особенностью этого фильма является то, что герой при всех своих злоключениях не произносит ни единого слова. Он только в самом конце киноповествования разражается негодующей речью обо всем, что видел, разоблачая нечестных людей, подлинные черты которых он поневоле разглядел.

Второй фильм Раджа Капура — «Аб Дилли дур нахин» («Теперь до Дели недалеко») — является своеобразным ответом человека сегодняшнего дня на старую поговорку «До Дели еще очень, очень далеко». Эта пессимистическая поговорка означала когда-то убеждение простых тружеников в том, что их стремления к лучшей жизни останутся бесплодными. Фильм, повествуя о приключениях маленького мальчика, отец которого был ложно обвинен в убийстве, показывает, что теперь в Индии все стало по-другому: из далекой деревни малыш отправляется в Дели, чтобы подать жалобу самому Джавахарлалу Неру.

«Аб Дилли дур нахин», отражая оптимизм людей новой, освобожденной Индии, учит народ никогда не терять надежды на лучшее и самому бороться за свое будущее.

В Индии ныне создано новое кинообъединение из прогрессивных сценаристов, актеров, художников, режиссеров и других деятелей кино. Среди них известный новеллист на языке урду Раджендер Синг Беди, артист Балрадж Сахни, завоевавший симпатии советских зрителей своей прекрасной игрой в фильме «Два бигха земли», и многие другие. Эта группа заканчивает сейчас съемки фильма «Лал батти» («Красный цвет»), который хотя и носит детективный характер, но, безусловно, является острым и актуальным произведением, разоблачающим преступления антинародных реакционных элементов.

Немало еще наших предпринимателей ставит до сих пор фильмы в духе дурных традиций Голливуда, немало и таких кинороботников, которые стоят на перепутье и, выступая иногда с хорошими фильмами, отдают дань дешевому подражанию худшим американским образцам. Но отрадно отметить, что прогрессивная кинематография находится на подъеме: растет число правдивых, целенаправленных фильмов, все больше и больше завоевывающих признание народа.

Горячий прием, оказываемый индийским фильмам в Советском Союзе, укрепляет стремления наших прогрессивных кинематографистов и вдохновляет их на служение своему народу, на создание фильмов в духе социалистического реализма.

«Под покровом ночи». Радж Капур в роли бездомного бедняка-крестьянина.

«Жаждущий». Артистка Вахиди Реман в роли избранницы молодого поэта, героя фильма.

БИРМА, 1957 ГОД

Генрих БОРОВИК Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

На юг...

Сегодня мы отправляемся на юг, туда, где на географической карте Бирма превращается в узенькую прибрежную полоску земли, окаймленную крупинками островов.

Самолет, полупассажирский, полугрузовой, был заполнен до отказа. В грузовом отделении горой громоздились рангунские газеты, в пассажирском — господствовала стайка девочек школьного возраста. Девочки оживленно щебетали, поминутно смотрели в окна, ели бананы, сосали конфеты. На передних местах сидели два спокойных европейца в коротких штанах и грубых башмаках, разговаривавшие между собой по-немецки,— видимо, инженеры из Германии.

В Тавое, где была первая посадка, самолет наполовину опустел: выгрузили большой тюк газет, сошли немецкие специалисты, выпорхнула стайка девочек, которую тут же заботливо взяла под крылышко дородная католическая монахиня в черном, наглухо закрытом платье, из-под которого виднелась оборка белоснежной нижней юбки. Девочки сразу притихли, погрустнели и, выстроившись гуськом, как цыплята за курицей, двинулись за монахиней, раскрывшей над собой огромный черный зонт.

— Учительница из миссионерской католической школы встречает своих питомцев,— объяснил сопровождавший нас чиновник Министерства информации Бирмы У Тейн Хан.

На места иностранных специалистов сели два бритоголовых буддийских монаха в оранжевых тогах и очках в светлой оправе. Они пристегнули себя ремнями к креслам и тут же задремали. Девичью стайку сменили индиец с индианкой, пожилой китаец и две молодые бирманки с лицами, вымазанными «танака» — специальной светло-коричневой пудрой, изготовляемой из тертой древесины, смешанной с верхним слоем мяса только что убитого тигра. Она предохраняет кожу от загара и делает ее мягкой.

Наконец город Мергуи... С аэродрома в город ведет дорога, по обеим сторонам окаймленная лесом. Но лес производит несколько странное впечатление: деревья растут в каком-то строгом порядке, между ними нет обычных для джунглей густых зарослей лиан, кустарников. Лес светел, он далеко просматривается.

— Это не лес,— поясняет У Тейн Хан,— это каучуковые плантации.

И действительно, мы замечаем, что к каждому древесному стволу в нижней его части прикреплена на проволоке глиняная чашка вроде пиалы.

Тут же условливаемся с У Тейн Ханом, что завтра с раннего утра отправимся на одну из плантаций.

Его величество каучук

В Бирме сразу привыкаешь просыпаться с восходом солнца. Утро до девяти часов — единственная часть суток, когда легко дышится. Чуть позже начинает печь солнце, щедро отдающее земле свое тепло. Так продолжается весь день, а вечером начинается обратный процесс: земля возвращает полученное тепло. Жить между двух огней трудно.

Каучуконосы дают человеку свою драгоценную белую жидкость только в утренние часы.

Маленькая деревушка в пять—шесть бамбуковых домиков-хижин на сваях недалеко от дороги. Хижины примостились возле большого барака, сделанного из решетчатых металлических полос. Здесь сборочный пункт, сюда рабочие плантации приносят ведра с соком каучуковых деревьев.

Нас встречают только ребятишки, две — три пожилые женщины да несколько рабочих, вышедших из решетчатого барака. Все остальное население деревушки ходит по плантации, собирая «резиновое молоко». Скоро они начнут приходить сюда, сдавать урожай.

Часа через полтора к железному бараку подходит первая сборщица. На плече у нее бамбуковое коромысло, в такт шагам оно гнется под тяжестью двух ведер, наполненных густой молочного цвета жидкостью. Женщина входит в двери барака и выливает содержимое ведер в большой металлический чан. Туда же вливают кислоту, и сок на глазах густеет. Он превращается в его величество каучук. После загустения каучук режут на большие белые листы и пропускают сквозь металлические валки — выжимают влагу. Листы становятся тоньше, и поверхность их напоминает теперь вафли. Затем эти вафли тащат в сушилку — двухэтажную избушку на курьих ножках, где на первом этаже горит огонь, а на втором лежат листы каучука и в едком дыму медленно теряют содержащуюся в них влагу. Потом приходит машина, забирает высушенные листы и везет их в Мергуи, где живет хозяин плантации.

— Что же там хозяин делает с этими листами? — спрашиваю я у одного из рабочих в бараке.

— Получает деньги. Прибыль,— отвечает тот лаконично.

— Сколько же? — интересуюсь я.

— Не знаю, никто не знает,— отвечает рабочий.

...А сборщики все идут и идут. Медленно покачиваются коромысла, поскрипывают ведра. Среди сборщиков больше женщин. Они медленно опускают ведра на землю, устало вытирают пот со лба. Затем молча стоят, ожидая, пока придет очередь войти в барак. Некоторые тут же моют ноги водой, оттирая грязь кусочками сухого скрипящего каучука. И все это молча, без единого слова.

Одна вымазала плечи белой жидкостью и пробует шутить:

Сборщик каучука.

См. «Огонек» № 36.

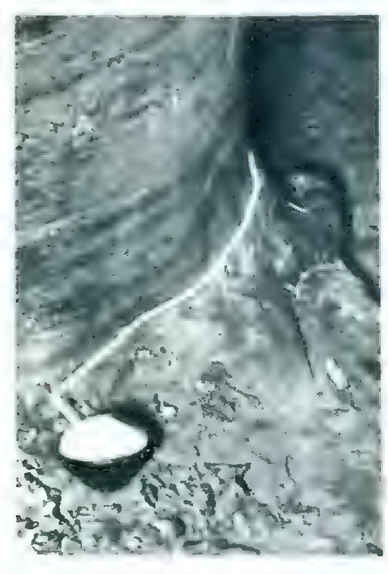
— Вот я теперь непромокаемая...

Никто не улыбается.

— Они устали, очень устали,— объясняет мне рабочий в набедренной повязке и старенькой фетровой шляпе на голове.— Потому и молчат. Каждой надо за два часа обойти около четырехсот деревьев, а потом еще сюда идти с полными ведрами. Вы попробуйте — они тяжелые.

Я попробовал. Действительно тяжелые, гораздо тяжелее, чем такое же ведро, наполненное водой.

Сок каучуконоса тоненькой струйкой капает из широкого, в две ладони спирального надреза

Течет «резиновое молоко».

на коре в глиняную чашечку. Сборщица подходит к дереву, переворачивает чашечку над ведром и затем тщательно промывает ее водой, которую несет в специальном маленьком сосуде. Потом поднимает ведра и идет к следующему дереву. Там снова ставит ведра, снова переворачивает чашку и снова моет, снова поднимает — и так у каждого из четырехсот деревьев.

Да, после этого понятно молчание уставших женщин.

— Сколько же получает каждый сборщик? — спрашиваем мы рабочего.

— Два джа в день. Это не регулярный заработок. Ведь в период дождей каучуконосы не дают сока. А дожди идут с мая по сентябрь, почти полгода.

— Ц-ц... Не очень много,— качает головой У Тейн Хан.— Не очень много...

— Ну, сейчас еще хорошо,— усмехается Ла Маунг, так зовут рабочего. — Профсоюзы кое-чего добились, нас поддерживают. А раньше, когда плантация принадлежала англичанину, мы даже пожаловаться никому не могли. Самые настоящие рабы. Англичанина звали Биби Джап. Сейчас хозяин — бирманец. Биби продал плантацию сразу после того, как Бирма стала независимой: испугался национализации и отправился в свою Англию. Тут его никто никогда и не видел. Он всегда жил в Мергуи.

Сборщики каучука окружили нас плотным кольцом и внимательно слушали, переминаясь с ноги на ногу.

Солнце поднялось уже высоко, и от земли шел вверх влажный пар, мешавший дышать. Вокруг стояли огромные деревья с глубокими надрезами на коре. Глиняные плошки были перевернуты: деревья днем не давали сока, они отдыхали.

Неподалеку ребятишки играли в сборщиков каучука. Они поочередно носили ведра от дерева к дереву, подражая взрослым. Играли они серьезно, без смеха и беготни: ведь «материнское молоко» — так иногда называют здесь, на юге, сок каучуковых деревьев — дается нелегко...

На другой день вечером У Тейн Хан устроил нам встречу с владельцем каучуковой плантации У Ба Сейном.

Каковы его взгляды? Хозяин доволен, что теперь благодаря независимости он избавлен от английской конкуренции. Но, с другой стороны, его не очень радует то, что правительство Бирмы ввело монополию на экспорт каучука.

— Раньше я мог свободно вывозить свой каучук в Малайю и Сингапур, там у меня были агенты,— с обиженным видом говорит У Ба Сейн.— А теперь правительство само занимается каучуком. Оно покупает его у ассоциации промышленников, членом которой я являюсь, и цены устанавливает само...

С таким же обиженным видом владелец плантации говорит и о правах рабочих:

— У них теперь оплачиваемый отпуск! А ведь это из моего кармана. Сюда деньги, туда деньги, себе ничего не остается.— Он поднимает на меня глаза, ища поддержки. — Моя плантация занимает семьдесят акров. Многие деревья уже старые, им больше тридцати лет, сока не дают, надо заменять. А вы знаете, сколько сейчас стоит посадить один акр? Не меньше двух тысяч джа чистоганом. Пока дерево начнет давать сок, пройдет не меньше восьми — десяти лет... А мне уже пятьдесят семь..

— Ц-ц-ц... Порядочно,— вздыхает У Тейн Хан,— порядочно...

— Но ведь все это идет на пользу рабочим, народу,— говорю я.

— Народу? — Владелец плантации растерянно смотрит на меня: видимо, я перебил ход его мыслей,— потом У Ба Сейн спохватывается: — Да, народу! Народу, конечно, от этого лучше. Но мне, мне... не очень! У меня доходы уменьшились по сравнению с прежними временами. А я ведь тоже народ!

Таким сомнительным утверждением закончил беседу У Ба Сейн, владелец каучуковой плантации в 70 акров.

Люди в желтом

Из нашего бунгало, где мы поселились в Мергуи, виден весь городок. Вернее, видны крыши домов. Они стоят настолько близко друг к другу, что сверху напоминают чешую какого-то гигантского животного, припавшего на берегу моря к воде, чтобы утолить жажду. Бунгало — на горе, самой высокой точке Мергуи. Выше него, пожалуй, только пагода со своим нестерпимо блестящим на солнце куполом. Ночью, когда дует легкий бриз с моря, до нашего бунгало доносится мелодичный перезвон ее колокольчиков, тихо колеблющихся на ветру.

Нынче с утра в пагоде оживление. Со всех концов городка сюда движутся жители и монахи.

Особенно тщательно одетый У Тейн Хан объясняет нам, что сегодня день Будды — большой религиозный праздник.

Под большим навесом на территории пагоды сидят знатные люди города: мужчины отдельно, женщины отдельно — за загородкой сбоку. Сидят на полу, поджав под себя ноги. Пожилой полный монах в ярко-оранжевом одеянии что-то говорит нараспев, склонившись над низким столом. Перед ним микрофон, и голос, усиленный во много раз, гремит по всему городу. Мужчины под навесом вполголоса повторяют некоторые фразы. Женщины повторяют те же слова, но шепотом.

Жарко. Слушатели обмахиваются веерами, монах вытирает бритую голову желтым платком.

Поодаль стоит группа мальчишек в фетровых шляпах. Они откровенно скучают и вертят головами, как Том Сойер в воскресной школе. Постепенно они все больше расходятся, начинают шушукаться, дергать друг друга за лонджи. Время от времени одна из женщин поднимается, выходит из своего загончика и на несколько минут водворяет порядок в легкомысленном мальчишечьем обществе. Девочки сидят вместе с матерями.

Трое или четверо мальчуганов улизнули от всей группы и отправились на другой конец территории пагоды. Там женщины готовят предстоящее угощение: режут лук, гигантские, как в басне Крылова, огурцы, помидоры, мелкомелко крошат мясо, толкут в ступе крепчайший перец «чили», о котором даже наши грузинские футболисты, побывавшие в Бирме, отзывались с уважением. Мальчишки долго наблюдают за веселым, аппетитным зрелищем. Когда они вернулись, прежняя церемония уже кончилась.

Под тентом расставили столы, за которыми уселись монахи: по одну сторону — пожилые, напротив — молодые. Склонив головы друг к другу, они о чем-то говорят между собой. Возле одной пары стоит микрофон, и их разговор транслируется по всему городу.

Вокруг почтительно двигался молоденький бирманский фотокорреспондент и запечатлевал все происходящее на пленку. Он-то и объяснил мне, что за столами происходит экзамен. Молодые монахи отвечают на вопросы старых. Экзаменатор произносит несколько слов из любого места одной из 8 600 притч о Будде. Экзаменующийся должен продолжать текст до тех пор, пока его не остановят.

Собравшиеся некоторое время с интересом наблюдали за экзаменом, затем постепенно стали расходиться...

Каждое утро на улицах любого бирманского города — большого или маленького — появляются люди, одетые в оранжевые куски материи, свободно обернутые вокруг тела. Люди эти выходят из монастырей и, разбившись на маленькие группки, по три — четыре человека, гуськом двигаются по улицам. Каждый держит в руках большой глиняный горшок, окрашенный в черный цвет. Они заходят в дома, во дворы, и в каждой семье бросают в горшок щепотку риса, плод банана, кусочек мяса или вяленой рыбы, смотря по достатку. И везде, согласно обычаям, считается за счастье накормить человека в желтом.

Это пондни[1].

Каждый буддист обязан хотя бы раз в жизни уйти от людской суеты, обрить голову, надеть желтые одежды и поселиться в монастыре, питаясь тем, что уделят ему миряне,— стать понджи.

[1] Монах. Буквальный перевод означает «великая слава».

Пагода стояла на самом высоком месте города Мергуи.

Понджи надо побыть хотя бы три дня в жизни, но не меньше. Больше же — по желанию: двери монастыря всегда открыты для тех, кто хочет туда войти, и для тех, кто не хочет там оставаться.

Как только мальчик достигает определенного возраста, происходит торжественная церемония посвящения его в монахи. Это не значит, что он уходит в монастырь. Это значит, что он приобщается к понджи и в будущем может по желанию надеть желтую тогу.

Полтораста тысяч здоровых, крепких, преимущественно молодых людей — постоянная армия понджи в Бирме. И никогда человека в желтом не увидишь занятым каким-нибудь трудом. Ему нельзя работать: это считалось бы святотатством. Он должен предаваться размышлениям, оставаться наедине с собой, заниматься самоусовершенствованием.

Так говорят правила и законы буддизма — господствующей религии в Бирме.

По бирманским дорогам нельзя проехать километра, чтобы не встретить большой или маленькой пагоды, где находятся изображения Будды. Но в Бирме можно встретить и католические, и индуистские храмы. Бирманские буддисты с большой терпимостью и искренним уважением относятся к другим религиям. В одной рангунской газете я прочел такие строки, появившиеся после долгожданного дождя (дожди необычно запоздали в этом году, что грозило большими неприятностями урожаю): «Дождь, дождь, дождь! Наконец-то пошел дождь! Спасибо буддистам, спасибо индуистам, спасибо исповедующим веру во всемогущего бога! Сейчас никто не может сказать определенно, кто же вызвал дождь в последнее воскресное утро: все три религии действовали вместе — буддисты, индуисты и христиане».

Золотые купола пагод и желтые тоги понджи — это не только деталь бирманского пейзажа. Буддизм — большая сила в Бирме. Сила, которую раньше использовали в интересах, далеких от нужд народа, и которая теперь оказывает большое влияние на все области жизни страны.

Кино, Ай-Си-Эс и патриотизм

Мы завтракаем, обедаем и ужинаем в маленькой, всегда полупустой кофейне на набережной. По утрам кофейня стоит у самой воды, но днем набережную от воды отделяет большая полоса грязи, ила, сломанных, проржавевших якорей, затонувших лодок. Дно моря, обнаженное во время отлива, быстро согревается, и от него поднимается сизый удушливый пар.

Хозяин кофейни, бирманец лет тридцати пяти, встречает нас приветливо, обслуживает сам — внимательно, но с достоинством. Мне все время кажется, что ему хочется с нами поговорить. Однажды он подсел к нашему столу.

— Вы русские? — начал он, чуть-чуть смущаясь.

— Да. Как вы догадались?

— По разговору.

— Разве вы знаете русский язык?

— Не-ет! — Бирманец засмеялся.— Откуда! Я просто видел несколько русских фильмов здесь, в Мергуи. Вот и догадался.

Жемчужные острова.

— Вам понравились эти фильмы?

Бирманец чуточку помедлил, обдумывая ответ.

— Они слабее американских в любовном смысле... Те любовь очень много показывают... А ваши картины нам нужнее.

— Почему?

— Воспитывают патриотизм. Нам очень нужен патриотизм,— сказал бирманец, подчеркивая это слово.

— Разве вам кажется, что его не хватает у народа?

— Нет, наш народ любит родину. Но вот отдельные люди...— Наш собеседник подлил чаю в чашки.— Чиновники особенно...— Он опять помедлил. — Я, например.

— Вы? Но вы же не чиновник?

— Был чиновником,— ответил содержатель кофейни.— Не так давно я был государственным чиновником.

— Чем же вы занимались?

— Я служил здесь, в Мергуи, в муниципалитете. Все шло довольно хорошо. Но однажды меня перевели из Мергуи на вольфрамовые шахты. Моя задача была следить за бытовыми условиями жизни рабочих, докладывать о них и добиваться улучшения. Я поехал с радостью, потому что понимал, как это важно. Но на месте все оказалось гораздо труднее, чем я предполагал. Живут рабочие очень плохо. Я докладывал. Но ведь вы знаете, как это трудно: то денег нет, то материалов нет, то еще что-нибудь. А люди, которым все это безразлично, конечно, есть. Их не очень много, но они многое портят. Это чиновники. Я пробыл на шахтах довольно долго, а результаты были совсем ничтожные. И я почувствовал себя бессильным, разочаровался и бросил эту работу.— Хозяин кофейни взволнованно теребил полотенце в руках.— Вот ушел в бизнес. Открыл с двумя компаньонами кофейню...— Рассказчик горько усмехнулся.

— Что же, дела идут плохо? — поинтересовались мы.

— Да нет, дела хороши, место у нас выгодное,— досадливо махнул рукой бирманец.— Только известно мне, что я ушел оттуда. В самый трудный момент ушел. По существу, предал людей. Сейчас они кое-чего добились, мне рассказывали. Лучше стало. Профсоюзы помогли, и, главное, нашлись люди, которые не разочаровываются, а работают. Ведь сейчас условия есть. У бирманцев права есть! А я струсил. Патриотизма не хватило. Испугался равнодушных чиновников из Ай-Си-Эс...

Мы не впервые слышали эти три буквы «I C S». До завоевания Бирмой независимости в стране существовала особая каста чиновничества, специально воспитанная английскими колонизаторами. Англичанам нужна была опора в завоеванных ими странах Юго-Восточной Азии. Такой опорой для себя они хотели сделать высокооплачиваемых чиновников, которые должны были занимать в Индии, Бирме все ключевые позиции. Детей обеспеченных родителей — индийцев и бирманцев — вывозили в Англию и Австралию. Там они получали гуманитарное образование и, возвратившись на родину, сдавали экзамены на вступление в Ай-Си-Эс — «Индиан Сивил Сервис» — «Индийскую гражданскую администрацию», во главе которой стояли англичане. После этого бывший студент, усвоивший все английские привычки, получал какой-нибудь высокий пост и не менее высокое жалованье. Англичане всячески отличали чиновников Ай-Си-Эс от остального населения, подчеркнуто относились к ним, как к равным. Кроме большого жалованья, Ай-Си-Эс обеспечивались еще и очень крупной пенсией, в несколько раз большей, чем зарплата обычного крупного чиновника. Все это делалось для того, чтобы Ай-Си-Эс находилась полностью в руках своих английских хозяев.

После завоевания Бирмой независимости в 1948 году специальным декретом Ай-Си-Эс была распущена. Чиновники Ай-Си-Эс были уравнены в правах и жалованье с другими чиновниками. Но англичане заявили о том, что будут продолжать выплачивать Ай-Си-Эс через бирманское правительство жалованье и пенсию в прежнем размере, хотя они уже не находились на их службе. Многие Ай-Си-Эс воспользовались этим и вообще бросили работу, сознательно нанося молодому государству, у которого не хватало кадров, огромный вред. Другая часть осталась на своих местах, но только очень немногие стали честно служить народу. Бо́льшая же часть, проанглийски настроенная, продолжала оставаться надежной опорой и агентурой поработителей бирманского народа.

— Значит, Ай-Си-Эс вредят? — продолжали мы разговор с хозяином кофейни.

Глаза нашего собеседника зло сузились.

— Англичане впустили им в жилы свою кровь! — сказал он с ненавистью и сделал рукой характерное движение, будто ввел иглу в вену.— Эти люди презирают свой народ.

Хозяин кофейни важно надул щеки, выпятил живот, засунул большие пальцы рук под мышки и показал, что воротничок у него наглухо застегнут и галстук повязан бабочкой.

— Они носят лонджи и едят бирманскую пищу, но они не бирманцы. Это люди без родины...

— Так вы думаете, их можно научить любить родину при помощи фильмов? — спросил я, возвращаясь к первоначальной теме нашего разговора.

Владелец кофейни презрительно усмехнулся.

— Их уже ничем не научишь этому. Нет, не им нужны ваши фильмы. Они нужны таким, как я, которые не всегда верят в свои силы...

В гостях у «Сэра Джона Малколма»

— Господа, должен вас обрадовать,— сказал нам утром У Тейн Хан,— бот отремонтирован. Сегодня вечером мы можем двинуться на остров...

Это было очень радостное известие, потому что попасть на остров, где добывают жемчуг, мы хотели давно, и остановка бы-

ла только за ботом, который нам обещал предоставить правительственный комиссар в Мергуи. Но бот был в ремонте, и мы уж потеряли надежду: остров находился в восьмидесяти милях к юго-западу от Мергуи. Можно было бы поехать и на маленьком катере, но местные власти не разрешили, так как море — штука капризная, объяснили они, а акулы — существа прожорливые.

На боте вместе с нами оказалось довольно много народу: кроме команды, еще представитель местных властей, представитель компании «Бирма перл Фишинг энд калчер синдикэйт», которая занималась жемчужным промыслом, У Тейн Хан и даже полицейский комиссар, щеголевато одетый, в огромной ковбойской шляпе с лихо заломленными полями и вооруженный всем, чем только мо..о быть вооруженным. У него был с собой автомат, пистолет, нож в чехле, резиновая полицейская дубинка и даже свисток на длинном толстом шнурке. В руке он держал еще какое-то оружие, напоминавшее шпагу.

Когда все собрались, был выбран якорь, и бот, огласив городок двумя ударами гонга, начал медленно двигаться в сторону черневших вдали островов Мергуиского архипелага.

Зацепившись за мачту бота, висела огромная ослепительно яркая луна. При ее свете было очень удобно писать, сидя на носу.

Ко мне подошел полицейский комиссар. Он что-то сделал со своей шпагой, и она оказалась удобным походным стульчиком на одной ножке. Комиссар примостился на нем рядом со мной.

— Вы едете нас охранять? — спросил я его.

— Да, ведь вы знаете, у нас не все спокойно в стране...

— Вот не было вам заботы, а теперь из-за нас...

— Что вы, это моя обязанность.

— Вы бывали раньше на этом острове?

— О, прекрасный остров, там будет что повидать и поснимать! Все острова здесь очень красивы. Вот этот вот,— полицейский комиссар У Тун Кин указал рукой на темневшие вдали очертания гор,— это остров Кинг, самый большой в архипелаге. На нем очень много каучуковых плантаций. Очень богатые места.

— Ну, в Бирме, по-моему, вообще трудно найти место, которое обижено природой.

— Да, пожалуй,— ответил полицейский.— Мне кто-то говорил, что в мире не существует страны, где на единицу площади было бы такое количество разнообразных полезных ископаемых, ценных растений...

Комиссар говорил правду. Нет, пожалуй, таких продуктов, такого сырья, которое Бирма не могла бы получить у себя, на своей собственной территории: нефть, вольфрам, железные руды, марганец, свинец, олово, никель, серебро, рубины, каучук, тиковые леса, уголь. А сколько еще не разведано!

— Можно наугад ткнуть палку — и обнаружишь что-нибудь подходящее,— заключил свою мысль У Тун Кин.— Как видите, и жемчуг есть, а продуктов питания столько, что даже во время войны мы не знали, что такое голод. Наоборот, была другая трудность: некуда было экспортировать рис, он гнил...

— Да, недаром англичане так неохотно уходили из Бирмы.

У Тун Кин кивнул головой.

— Многие иностранцы,— продолжал он,— распространяются о том, что бирманский народ ленив. Будто природа настолько богата, что отучила его работать! Будто мы слишком нетребовательны и самостоятельно не добьемся ничего! — Комиссар поднялся со своего стульчика-шпаги.— Ложь это! Ее придумывают для того, чтобы вмешиваться в наши внутренние дела...

На другой день мы были на месте.

Остров под названием «Сэр Джон Малколм» оказался поистине райским уголком. Вообразите себе бирюзовую, совершенно прозрачную воду, будто небо лежит у ваших ног, и в глубине его вы видите причудливые очертания земли: желтую песчаную отмель шириною в несколько метров, высокие, стройные, словно одетые в балетные пачки, пальмы за нею и дальше — горы, покрытые густыми зелеными джунглями.

«Сэр Джон Малколм» окружен другими крошечными «сэрами», и вместе это аристократическое общество образует небольшую уютную бухточку, со всех сторон защищенную горами. Даже при очень сильном шторме в открытом море вода в бухте остается спокойной и прозрачной.

— Ну, вот это и есть одно из самых богатейших мест в мире по произрастанию естественных жемчужных раковин и одно из самых благоприятных мест в мире для культивирования искусственного жемчуга,— сказал нам представитель компании, когда бот остановился напротив маленького залива.

На берегу виднелось несколько бамбуковых хижин. От берега отвалила весельная лодка и пошла нам навстречу. Мы погрузились в нее вместе с нашими пожитками, почтой и продуктами для рабочих жемчужного промысла, живущих на острове.

Небольшой участок джунглей вырублен. Здесь стоят бамбуковые избушки рабочих. Из леса доносятся визгливые крики.

— Обезьяны,— объясняет нам молодой плотный бирманец по имени У Чжи,— их пропасть тут: войдешь в лес, выстрелишь, не целясь, и обязательно попадешь в одну из них.

— Это интересно,— оживился полицейский комиссар,— надо попробовать поохотиться. Сырая обезьянья кровь полезна для здоровья...

На острове сейчас обеденный перерыв. В одной из хижин за столом — группа людей, одетых не по-бирмански.

— Это японские специалисты,— говорит У Чжи.— Наша компания пригласила их для работы, пока не вырастим свои собственные кадры. Наш жемчужный промысел начался совсем недавно, в 1954 году. А раньше здесь этим почти никто не занимался. Японцы, вы знаете, большие специалисты.

Люди за столом довольно неприветливо посмотрели на нас. Мы издали поздоровались. Некоторые из них хмуро кивнули головами.

Из окна другой хижины доносятся мерные, ритмичные звуки банджо.

— Это для рабочих,— продолжает свои объяснения У Чжи.— Рабочие — только бирманцы. Среди них есть уже и ныряльщики, вернее, водолазы. А раньше водолазами были только японцы.

Я спрашиваю, почему все хижины построены на сваях.

— На острове очень много змей ядовитых и даже удавов. Довольно часто заползают сюда. Вот и приходится остерегаться.

Мы невольно начинаем внимательнее смотреть себе под ноги.

Стоит невыносимая жара. До окончания обеденного перерыва решаем выкупаться, чтобы хоть немного освежиться. Окунаемся в теплую горько-соленую воду и вылезаем на берег еще более разморенные, чем прежде.

— Да, здесь средняя температура воды тридцать градусов,— сочувственно качает головой У Чжи.— Это не только для купания плохо. Для жемчужин тоже нехорошо. Но мы держим раковины на дне бухты, где температура двадцать шесть — двадцать восемь. Это идеально.

— Что значит «держите раковины»? — удивились мы.

— Очень просто. Дело в том, что мы сейчас не занимаемся добычей естественного жемчуга, для этого у нас не хватает ботов и механизмов, а занимаемся культивированием искусственного. Сегодня мы как раз будем погружать на дно очередную партию раковин, вы увидите, как это делается.

В два часа раздался удар колокола, и мы поспешили на берег.

Возле хижины на самых высоких сваях, которую У Чжи уважительно называл лабораторией, стоял высокий, худощавый бирманец и аккуратно устанавливал большие замшелые двустворчатые раковины в разделенный на десять гнезд проволочный ящик — в таких развозят у нас бутылки с молоком. В каждое гнездо он осторожно вставлял по одной раковине.

— Раковины мы вылавливаем в море,— пояснил У Чжи,— и затем в лаборатории помещаем туда микроскопическую твердую частицу, например, песчинку. После этого в таком ящике раковины погружаются на дно на глубину приблизительно в тридцать метров, и через два — три года, если процесс идет нормально, в раковине должна вырасти жемчужина. В центре ее будет находиться та самая песчинка, о которой я говорил: она служит для жемчужины «скелетом».

— А можете ли вы контролировать этот процесс?

— Очень относительно. Мы, например, не можем знать, образовывается в раковине жемчужина или нет. Но следим все эти годы, жива ли раковина: каждый день в течение трех лет на дно опускается водолаз и тщательно осматривает каждое гнездо.

— Как же он узнает о смерти раковины?

— Если створки ее плотно закрыты, как сейчас,— значит, все в порядке, если же открыты,— значит, раковину надо менять.

— Можно ли отличить искусственный жемчуг от естественного?

— Для неопытного человека почти невозможно. Но специалисты различают по расцветке. А в крайнем случае прибегают к рентгену — искусственный жемчуг выдает песчинка, находящаяся внутри.

Мы попросили У Чжи позволить нам пройти в лабораторию и посмотреть, как в раковину погружают песчинку. Наш собеседник смутился и уклонился от ответа. Чуть позже У Тейн Хан объяснил нам, что лабораторией заведуют японские техники, а они не любят выдавать свои секреты иностранцам, особенно журналистам...

— А бирманцам они сообщают все секреты этого промысла?

— Не очень в этом уверен,— пожал плечами У Тейн Хан.

Когда рабочий-бирманец заполнил каждое проволочное гнездо раковиной, подошел небольшой моторный катер. На него погрузили все ящики, и он ушел на середину бухты. Там катер остановился, и водолаз поочередно опустил каждый ящик на дно, прикрепив его длинной веревкой к неподвижному бую.

— Ну вот, пройдет два — три года, и будем собирать урожай,— улыбнулся У Чжи.— Конечно, искусственный жемчуг стоит гораздо дешевле естественного, но все же... Когда-нибудь мы развернем здесь настоящий промысел,— мечтательно продолжал он.— Ведь здесь самые богатые в мире места.

Мы пробыли на острове целый день, и почти ни разу я не разговаривал с японцами. Они относились к нам явно настороженно. И только к вечеру, когда японцы поняли, что советские журналисты вовсе не собираются выведывать их профессиональные тайны, они решили наладить дружбу. Когда стемнело, на весь остров разнеслась мелодия концерта для скрипки с оркестром Чайковского. Вначале я не понял, в чем дело, и бросился к той хижине, откуда была слышна родная мелодия. Там возле патефона стояли небольшой группкой японцы и улыбались.

— Это Чайковский,— смущенно сказал один из них.— Чтобы вы не думали о нас плохо.

Рабочий держит ящик, заполненный раковинами.

Целина

Василий ЖУРАВЛЕВ

1

На солнечных равнинах
междуречий,
не в силах сбросить
векового сна,
охочая до ласки человечьей,
целинная томилась сторона.

Над ней весна шумела
и в свой срок
задумчивую выпускала сойку.
А в августе
жирующий сурок,
на ранней зорьке исполняя
стойку,
скликая сотоварищей на пир,
над колкою верблюжьею
тропою
свистел лениво,
вклиниваясь в мир
самодовольной мордою тупою.

2

Не в силах
одолеть своих невзгод,
средь ковылей
да дикого гороха,
приумножала степь
из года в год
никчемные поля чертополоха.

А ей хотелось,
чтоб под гомон птиц
овсы свои нашептывали речи,
чтоб кисти проса,
как хвосты лисиц,
ее хмельные радовали плечи.

А ей хотелось,
чтоб за стогом стог
вздымался к небу
под летучей тучей...

Но человек хотел
и все не мог
приветить красоты ее могучей.

3

Вдовеющую долгие века,
не тронутую межевым
деленьем,
ее еще казаки Ермака
приглядывали
с жадным вдохновеньем.
...Плывут,
плывут над степью облака,
от изобильной влаги тяжелея.

И вот уже праправнук Ермака,
мечтания прапрадедов лелея,
товарищей на помощь попросил
и, с первобытностью
вступая в драку,
по восемьдесят
лошадиных
сил
впрягая в плуг,
повел свою атаку.
Да так,
что застонал полынный лог
и, в горьком горе
замахав руками,
все головы свои чертополох
сложил под боевыми лемехами.

4

Родная степь!
Тебя благодарю
от имени советского народа!

Когда о целине я говорю,
в полнеба видя алую зарю
и славя лето нынешнего года,
я слышу, как под суетою птиц,
колосьями звенящими играя,
между совхозов
и между станиц
живое пламя зреющих пшениц
волнуется от края и до края.

Оглядывая даль из-под руки,
среди стропил,
да вымпелов, да реек
я вижу от реки и до реки
крылатые комбайнов косяки
и косяки бескрылых лобогреек.
И всюду пыль!
Она нам за́стит свет,
и от нее нигде спасенья нет
на грейдерном
на большаке широком.
И вот шоферы,
всех чертей кляня,
сплоченные, как дюжая родня,
уже включают фары среди дня,
чтоб не задеть друг друга
ненароком.

5

А что же степь?..
Являя образец
того,
как жить и смело и умело,
властительница
жаждущих сердец,
обретши материнство наконец,
она по-матерински подобрела.

Совхозами довольная вполне,
снискавши уважение в Союзе,
она, отдачу принося стране,
учетчицу на быстром скакуне
скрывает с головою
в кукурузе.

И, щедрая, она рукой своей
на рубежах
былой полупустыни,
как солнца,
разбросала средь полей
рассыпчатые сахарные дыни.

И ныне,
светлоглаз и светлорус,
дань изобилья пробуя на вкус,
рабочий,
счастье вырвавший из плена,
медовый, самый первый
о колено
со звонким хрустом
расколол арбуз...

Так что же, степь,
накрой столы в дому
с улыбкою,
с приветливым вниманьем.
Неси дары герою своему!
Ты бытием обязана ему,
обязана своим существованьем!

Неумолкающая песня

Замечательный армянский поэт Егише Чаренц был одним из громкоголосых зачинателей многонациональной советской поэзии. Он жил среди нас. Вместе с нами активно боролся с врагами советского строя. В первые годы после Великого Октября Чаренц выступил как солдат армии социализма, действуя винтовкой красноармейца и пером поэта. Сейчас ему исполнилось бы 60 лет.

Есть у Чаренца стихотворение, где говорится:

Ты погиб, давно тебя в мире
нет,
говорят, забыли тебя, поэт,
позабыли песни, угас их
след.
Но настали великие дни,
зернись...

Эти строки можно обратить сегодня к памяти их автора, спевшего много незабываемых песен, поведавшего читателям много сокровенных дум.

Бессмертию народа, партии коммунистов, бессмертию Ленина посвятил Чаренц вдохновенные стихи и поэмы, написанные на заре советской эпохи. Человек, строящий новое общество, не умирает. Так думал Чаренц. Эта мысль ясно выражена в Реквиеме Комитасу:

Усталый прах твой навсегда
найдет покой под свежим
дерном,
и на грядущие года
он станет пеплом
животворным!
Твой дух, чарующий вовек,
здесь будет жить — и все
чудесней
звучать в годах, стремящих
бег,
неумолкающею песней!

Чаренц воспевает бессмертие полководца и рядового, бессмертие братства простых людей, спаянных единой целью. Сын древней страны, мушский поденщик Погос вместе с соратниками, сынами и дочерьми других наций, «миру несет правду неведомых слов». Для героев «Всепоэмы» Чаренца, переведенной Валерием Брюсовым, революция рабочего класса — это не только вихрь, уничтожающий старый мир, но и сила созидающая. В своих семи «заветах песнопевцам грядущего» Чаренц звал к созданию песни, способной существовать дольше века, навеянной живым дыханием народа. Вне кровной связи с народом поэт не видел путей большой поэзии.

Посетив в Ленинграде Петропавловскую крепость, Егише Чаренц написал стихи, полные преклонения перед людьми, которых и в темных казематах бодрил свет будущего. С любовью нарисовал поэт образ своего соотечественника, революционера-демократа Микаэла Налбандяна, томившегося в царской крепости вместе с русскими собратьями:

Битве с гнетом и тьмой
посвятил я все сердце.
В той борьбе никаких не
страшился я мук,
и горжусь, что поэт Огарев,
как и Герцен,
обращаясь ко мне, говорили:
наш друг!

Эти слова поэт вложил в уста М. Налбандяна. Он мог бы произнести подобные слова от своего имени. Чувство братской дружбы выражал Чаренц и к народу Советского Азербайджана, народу Грузии и другим нашим народам, живущим «семьей согласной».

В своем поэтическом творчестве Чаренц стремился достигнуть и высей Туманяна и вершин Пушкина, сверкающих бесконечной новизной. Непревзойденным великаном называл Чаренц Пушкина, видя один из секретов русского поэтического гения в слиянии его с передовыми стремлениями своего века.

С эпохой слиться — в этом
суть.

Чаренц был творцом искусства, обращенного к народу:

Наш век, огромный, буревой,
в грозе родился и гремит,
и Ленина он пред собой
несет, как исполинский щит.

Лучшие песни Егише Чаренца испытаны временем. Они живут, вызывая в сердцах советских читателей благодарное восхищение поэтом, который умел смотреть вперед.

Александр ЖАРОВ

Егише ЧАРЕНЦ. Портрет работы М. Сарьяна.

Медали чемпионки.

От Херсона до Мельбурна

Лариса ЛАТЫНИНА,
абсолютная чемпионка XVI Олимпийских игр по гимнастике

Я родилась и выросла в Херсоне. Может быть, вы знаете этот южный город, расположенный в самом устье Днепра? Много есть на земном шаре городов более красивых, но мне милы укромные, обсаженные белыми акациями, пронизанные солнцем улицы, просторная набережная, с которой видны густые леса Заднепровья. Посмотрели бы, как широко раздался Днепр у Херсона, и тогда бы поняли, что Гоголь обошелся без гиперболы, утверждая, что редкая птица долетит до середины Днепра! Что касается меня, то красота этой реки вызывала во мне желание танцевать, кружиться в легком ритме. Я мечтала стать балериной, посещала хореографический кружок, и моя мать, работающая истопницей, единственная кормилица семьи после гибели отца на фронте, с трудом выкраивала каждый месяц пятьдесят рублей, которые стоило обучение. И, может быть, поэтому и привлек меня гимнастический зал, что я увидела в гимнастике схожие с танцем черты. Еще в первых классах я считалась ловкой и сильной, а перекладиной мне служили перила магазинной витрины, на которых, не жалея сил, я разучивала свою первую комбинацию. На нас, третьеклассников, не очень-то обращала внимание преподавательница физкультуры, и я до сих пор помню, как новая учительница только по внешнему виду ставила нам отметки.

— Лариса Дирий, — вызвала она меня. И когда увидела перед собой худенькую, тоненькую девочку, критически оглядела мою фигуру и сказала:

— Садись, тройка.

У меня слезы выступили на глазах от огорчения, а весь класс возмущенно загудел:

— Что вы, она у нас первая физкультурница!

Новая учительница смутилась и тут же поставила мне «пять».

К сожалению, и по сей день встречаются в некоторых школах подобного рода преподаватели физкультуры. Но, к счастью, не они, как говорится, делают погоду. В конце концов мне повезло: я встретила преподавателя иной формации. Еще не занимаясь с ним (он вел уроки начиная с пятых классов), я могла подолгу стоять у дверей физкультурного зала, наблюдая за тем, как преподаватель ведет тренировку.

Однажды Михаил Афанасьевич Сотниченко, педагог, о котором идет речь, заметил меня и спросил с напускной строгостью:

— Ты что здесь стоишь?

Я, совсем обомлев, ответила еле слышно:

— Хочу заниматься у вас.

Михаил Афанасьевич посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Ну что же, и будешь заниматься, когда перейдешь в пятый класс.

Как же хотелось мне поскорее стать пятиклассницей! И когда наконец свершилось это долгожданное событие, когда я пришла в спортивный зал, то оказалось, что кое в чем не уступаю и старшеклассникам. Я уже умела делать некоторые упражнения на перекладине и довольно неплохо прыгала. В тринадцать лет на своих первых соревнованиях я заняла второе место и получила третий спортивный разряд. Так началось мое настоящее увлечение гимнастикой, которое продолжается и по сей день.

Все мне нравится в этом прекрасном спорте: и разнообразие снарядов, на которых приходится выступать, и то, что каждый снаряд имеет свой характер, который обязательно надо разгадать, и то, что в основе гимнастики лежит творчество, которое особенно ярко проявляется в произвольной программе, где ты должен проявить свой вкус, свою фантазию.

На тренировки мы ходили в школу к семи часам утра, а оттуда сразу же отправлялись на занятия. Кроме того, я использовала каждую перемену, чтобы потренироваться на снарядах, а вечером, приготовив уроки, опять бежала в спортивный зал.

С каждым днем передо мной раскрывались все новые и новые стороны гимнастики, и я все больше увлекалась ею. Но Михаил Афанасьевич вскоре стал ограничивать наши занятия на снарядах. Он использовал для тренировок и бег, и прыжки, и художественную гимнастику. Все это способствовало росту наших сил и изящества.

Сила и изящество! Сочетание этих, казалось бы, спорящих друг с другом качеств и есть гимнастика. Здесь надо искать решение многочисленных секретов, которые она ставит перед спортсменами.

Спустя три года после регулярных тренировок у Михаила Афанасьевича в гимнастической секции я получила первый спортивный разряд, а затем участвовала и на всесоюзных соревнованиях школьников, которые проводились в Казани. Там я увидела первую гимнастку, выступающую по программе мастеров, — Галину Шамрай, девочку из Ташкента. Какими овациями проводили ее зрители, когда, выполнив произвольную комбинацию на кольцах, она получила десять баллов!.. Через несколько лет Галина стала абсолютной чемпионкой мира. Мои же успехи в Казани были во много раз скромнее. Подготовив перед самым состязанием новую комбинацию на перекладине, я не смогла ее выполнить и осталась с нулем. Эта первая неудача была для меня большим уроком. Я поняла, что к соревнованию следует готовиться тщательно и ни в коем случае не менять комбинацию в последний момент.

Весь год вместе с Михаилом Афанасьевичем готовилась я к всесоюзному первенству школьников, которое должно было состояться во Львове. Мы разрабатывали новые произвольные комбинации, не жалея времени на каждый новый элемент. Готовила я и новую обязательную программу. Впервые в жизни я должна была выступать по разряду мастеров.

Эти состязания во Львове запомнились мне навсегда не только потому, что я завоевала первенство и стала чемпионом страны среди школьников, но и потому, что там встретила молодую спортсменку, с которой меня прочно соединила крепкая дружба. Это была Тамара Манина.

1951 год стал первым годом моего выхода на большую спортивную арену.

Снова я делила время между уроками, комсомольской работой и тренировками, но все чаще и чаще мои мысли обращались к будущему, когда школа останется позади. Что же делать дальше? Я очень любила математику, физику, любила копаться в машинах, чертить, но вместе с тем меня все больше и больше привлекал и труд педагога. Ведь перед моими глазами был опыт любимого учителя Михаила Афанасьевича Сотниченко.

Так, насыщенный занятиями, мечтами, планами, прошел еще один год. И вот снова я выступаю на всесоюзных соревнованиях школьников, на сей раз в столице Эстонии Таллине. Выступила я неудачно. А в эти же дни в столице Финляндии Хельсинки шли XV Олимпийские игры, в которых приняли участие сильнейшие гимнасты Советского Союза. Естественно, что мысли наши были по ту сторону Финского залива.

Уже на обратном пути домой, бродя по Ленинграду в ожидании поезда, я услышала передачу из Хельсинки. Радиообозреватель сообщал, что советская гимнастка Мария Гороховская завоевала золотую медаль.

Помню, как, услышав об этом, я забыла и о своей неудаче в Таллине, и об одиночестве, которое испытывала в большом, незнакомом городе. Я буквально подскочила на месте и помчалась на вокзал к своим друзьям, чтобы поделиться с ними радостью.

В тот год, когда советские гимнасты столь успешно вышли на большую спортивную арену, я кончала школу и с еще большим интересом продолжала заниматься любимым спортом. Вскоре я вошла в сборную команду Советского Союза по гимнастике... и бросила спорт. Не за горами были выпускные экзамены, и Михаил Афанасьевич делал вид, что не замечает пропущенных тренировок. Но наконец сдан последний экзамен — я окончила школу с золотой медалью. Вот когда, казалось, появился повод почить на лаврах. Однако не удалось мне вкусить радость победы: надвинулся другой экзамен — поездка на фестиваль в Бухарест.

...Теперь, когда мне довелось побывать в пятнадцати различных странах, волнения, вызванные этой первой поездкой, кажутся немного наивными. И спортивными успехами в Бухаресте я не могу похвастаться. Чемпионом первых Всемирных игр молодежи стала известная украинская гимнастка Нина Бочарова, я же заняла не-

призовое место. А вскоре после возвращения на родину меня ждали новые трудности: я поступила в Киевский политехнический институт.

И вот пришел час прощания с родным городом, с подругами, а главное, с Михаилом Афанасьевичем Сотниченко, человеком, которого я полюбила, как отца. Новым моим наставником в Киеве стал Александр Семенович Мишаков, один из ведущих тренеров сборной команды страны.

Теперь я студентка института, у меня новый тренер, передо мной серьезные задачи.

Александр Семенович не скрывал тех недостатков, которые он нашел у меня. «Тебе не хватает пластичности, грации в вольных движениях. У тебя недостаточно отшлифованы комбинации на снарядах, не хватает им чистоты, и ты теряешь многие десятые балла».

Да, в отличие от моего первого тренера Александр Семенович был суров, и вырвать у него похвалу казалось задачей недостижимой. И не знаю, справилась бы я с требованиями, которые поставил он передо мной, если бы в 1952 году в программу женских выступлений по гимнастике не были внесены важные коррективы: отныне из этой программы исключались два «мужских» снаряда — кольца и перекладина.

Это был тот переломный момент в гимнастике, когда на смену силовой манере шла манера, основанная на эластичности, гибкости. Но и без «мужских» снарядов приходилось тренироваться, не жалея сил, накапливать запас новых элементов, из которых создаются различные произвольные комбинации, добиваться максимальной чистоты и завершенности каждого движения.

Рос мой спортивный опыт, росла требовательность к себе самой, а вместе с ними росло число почетных побед. Я была в составе сборной команды УССР, завоевавшей первенство страны 1953 года. Вместе с Маниной, Бочаровой, Гороховской, Шамрай, Коноваловой я выступала в Париже и других городах Франции. Участвовала я и в XIII первенстве мира в Риме.

До сих пор, когда я вспоминаю об этих римских состязаниях, проходивших при 55-градусной жаре, меня охватывает волнение. Сколько неожиданностей, сколько трудностей ждало нас там! Один за другим менялись лидеры: Гороховская, Манина, Муратова. Каждую из них выбивала из седла нелепая случайность. И когда Галина Шамрай наконец вырвала победу, мы все вздохнули с облегчением. Ведь золотую медаль вместе с нами оспаривали сильнейшие гимнастки мира, и среди них самая грозная наша соперница, венгерская спортсменка Агнеш Келети. Как же не радоваться было тому, что медаль абсолютной чемпионки досталась все же советской гимнастке!..

Вымпел школьных подруг.

Я не была уверена, получится ли из меня сильная гимнастка, и еще больше сомневалась в том, получится ли из меня хороший инженер. С каждым месяцем я все больше понимала, что, несмотря на всю свою любовь к технике, меня больше влечет путь педагога, и наконец после долгих колебаний решилась перейти из

Л. Латынина дома.

политехнического института в институт физкультуры.

С большим увлечением работала я весь 1955 год, и именно этот предолимпийский год ознаменовался для меня первыми большими успехами. Я стала победительницей вторых Всемирных игр молодежи и студентов в Варшаве и на первенстве СССР в Ленинграде заняла второе место.

Когда после отборочных соревнований окончательно определился состав сборной команды страны, то стало известно, что ни одна из гимнасток, участвовавших в Олимпийских играх в Хельсинки, не попала в команду. Честь Советского Союза в Мельбурне должно было защищать новое поколение советских спортсменов.

Итак, мы в Мельбурне. Нас окружают спортсмены пяти континентов, но Тамара Манина все еще будит меня по ночам и требует, чтобы я проснулась и убедила ее, что мы действительно в Мельбурне, на другом «краю света». Игры уже в разгаре, и мы ликуем вместе с Куцем, огорчаемся вместе с Кривоносовым и бегаем просить разрешения побывать хоть разок на стадионе. Но, увы, мы должны ждать своего часа, мы должны бережно хранить свои силы. А как их сберечь, если накал борьбы все выше? И все же мы тайком пробираемся в зал, чтобы «поболеть» за наших боксеров, с которыми успели крепко подружиться. Забыв обо всем, мы кричим, рукоплещем, поздравляем с победой двух Володей — Сафронова и Енгибаряна — и Гену Шаткова.

А 3 декабря в положении болельщиков оказались и советские боксеры, и легкоатлеты, и гребцы. В этот день стадион увидел двенадцать гимнастических команд, оспаривающих олимпийское первенство.

Все команды были разбиты на три потока, и по воле жребия мы оказались оторванными от сильнейших наших соперниц — венгерок, румынок и японок. К тому же мы начали состязания первыми, и это определило нашу тактику. Необходимо сразу же оторваться от других команд, набрать максимальное количество баллов по обязательной программе. Так, Владимир Куц, возглавив бег с первых же метров, старается оторваться от преследующих его соперников. А теперь представьте себе такую картину: Куц рвется вперед, развивает все большую скорость, а ему ставят на дорожку все новые барьеры, которых вовсе не должно быть в гладком беге. В таком приблизительно положении оказалась и наша команда. Уже после первого снаряда — брусьев — стало ясно, что судьи с особенной строгостью оценивают выступления советских гимнасток. Муратова проводит комбинацию отлично, а получает только 9,3 балла. Моя комбинация оценена еще хуже — в 9,23 балла. Лучший результат на этом снаряде у Келети, на втором месте румынка Елена Леуштяну, за ней чехословацкая гимнастка Эва Босакова, потом венгерка Ольга Таш, только на пятом месте Соня Муратова, а я на шестом.

Не можем мы добиться большего и в вольных упражнениях. Правда, лучший результат у Муратовой, но за ней вплотную идет все та же пятерка. Теперь уже ясно, что в командном зачете главные соперницы — венгерки и что Агнеш Келети и румынка Елена Леуштяну являются серьезными претендентами на абсолютное первенство.

Что и говорить, эта ясность никак не могла нас успокоить, и на отдых мы отправляемся очень расстроенные. Что же будет вечером? А вечером мы выступали, прилагая все усилия, чтобы не дать хотя бы малейшего повода для снижения оценки. Каждая из нас — само внимание. Мы ведем борьбу за личное первенство не только с гимнастками других стран, но и друг с другом, а все вместе дружно выступаем в борьбе за командную победу.

Чего нам удалось добиться? По опорным прыжкам Муратова на первом месте, Манина — на втором, но третья — шведка А. Коллинг. Зато на бревне победы снова добилась Келети, а остальные пять мест поделили между собой чехословацкие гимнастки Босакова и Марейкова, венгерка Кертеш, румынка Леуштяну и я.

Когда были подведены итоги первого дня, сведены воедино все баллы обязательной программы, то выяснилось, что советская команда идет первой. Но вплотную держатся венгерские спортсменки, а за ними — румынки. Тревожнее была картина борьбы за личное первенство: лидером после выполнения обязательной программы стала Леуштяну, второе место занимала Муратова, третье — я. Неутешительны были эти итоги: Келети и Леуштяну заложили хороший фундамент, и если им на второй день удастся приплюсовать к завоеванным баллам обязательной программы полновесные баллы произвольной, догнать их будет невозможно. А догнать надо, но для этого произвольная программа должна быть выполнена нами с наименьшей потерей баллов. Но как же избежать ошибок, если нервы напряжены до предела? Сутки отделяли нас от решающего дня. В ту ночь я почти не сомкнула глаз. Передо мною, выстроившись в ряд, стояли гимнастические снаряды: разновысокие брусья, бревно, конь, лежал ковер, на который я выйду для исполнения вольных упражнений. Мысленно я переходила от одного снаряда к другому и повторяла, повторяла на каждом из них свою комбинацию, элемент за элементом.

Я знаю, многие спросят: как можно мысленно выступать на снарядах? Да, можно, и я помню каждое звено в каждой комбинации и помню даже, когда, в какой день придумала что-то новое.

А когда включаешь новый элемент в комбинацию, то начинаешь его разрабатывать, обогащать, потом разучивать, потом шлифовать так, чтобы во время упражнения и голова, и носки ног, и кончики пальцев подчеркивали слитность, завершенность комбинации, чтобы она длилась и длилась, крепкая и гибкая, как цепь, гладко связанная. И если нигде не ошибешься, если осуществишь свой замысел с точностью до одной сотой балла, то тебя ждут желанные и почти невозможные десять баллов — самая высокая оценка. Но о ней здесь, в Мельбурне, можно только мечтать вот так ночью, когда выполняешь комбинацию по памяти и никого нет, кроме тебя и мысленно обозначенного гимнастического снаряда.

Иногда проходит и год и два, прежде чем комбинация получает полное свое завершение, а испортить ее можно в одну секунду. Неверное движение — и все потеряно. Для того, чтобы создать интересную комбинацию, порой состоящую из 18—20 элементов, мало обладать фантазией, выдумкой, надо еще чувствовать душу каждого снаряда. Характер брусьев, например, таков, что как зацепишься за них, и тянешь комбинацию до самого соскока. Опорный прыжок через коня — самое короткое упражнение — опасен во время приземления: потеря равновесия часто снижает судейскую оценку. Вольные упражнения ближе всего стоят к искусству, танцу и потому особенно близки мне. Но вот странное дело: хотя я с детства и люблю танцы и с удовольствием занимаюсь на тренировках вольными упражнениями, придумываю новые элементы, а на соревнованиях выступать не люблю, — может быть, потому, что вольные упражнения до сих пор проводились без музыки. А какой же танец без музыки?

Но самый коварный, самый хитрый снаряд — это бревно. Недаром мы прозвали его «контрольно-пропускным пунктом».

Упражнение на равновесие, которое выполняется на бревне шириной всего в 10 сантиметров, требует от гимнаста предельного внимания. Он делает обороты, прыжки, стойки, кувырки, затаив дыхание, словно на острие ножа, но, несмотря на огромное напряжение, испытываемое им, слышит все, что делается кругом. До него доносится каждый вздох переполненного зрительного зала, щелканье фотозатвора, стрекотание кинокамер. Это и мешает и помогает гимнасту. Лично мне кажется, что если бы я не слышала происходящего в зале, то бревно казалось бы еще у́же, еще коварнее. И в ночь перед решающим выступлением на Олимпийских играх я старалась как можно точнее выполнить свою комбинацию на бревне. Я повторяла про себя каждое движение и вдруг почув-

Вручение Л. Латыниной золотой медали на Олимпийских играх в Мельбурне. Слева — А. Келети (Венгрия), справа — С. Муратова.
Фото В. Егорова.

ствовала полнейшее равнодушие. Мне было все равно, как я его закончу. Пробую снова, и опять то же самое. «Но кто же делает упражнения на бревне в абсолютной тишине, да еще ночью? — успокаиваю я себя. — Вот завтра как выйду в зал, так все будет хорошо».

Я заснула, но тревога, видимо, осталась где-то в глубине моего сознания, а когда на следующее утро мы начали произвольную программу с опорных прыжков, тревога сразу же перешла в лихорадочное волнение. Я выступала в своей команде последней, и вот, сидя на низенькой гимнастической скамейке, наблюдала, как мои подруги неудачно выполняют прыжок. Выступает Астахова и получает оценку 8,2 балла, выступает Калинина — оценка также низка. Егорова и Манина прыгнули хорошо, но вслед за ними Муратова получила просто ноль.

Две восьмерки и ноль — что может быть хуже для командного зачета, где сумма баллов выводится по пяти лучшим результатам? Теперь моя очередь. Я прыгаю как будто бы неплохо, и хоть моя оценка немного превышает девять баллов, я понимаю, что этого мало. Хорошо, что в отличие от других снарядов в произвольной программе спортсменка в опорном прыжке имеет две попытки, а не одну... Вторую попытку я провожу, как во сне, однако хорошая оценка — 9,4 балла — сразу возвращает мне спокойствие. Она оказалась достаточной для золотой медали на этом снаряде.

После прыжков наша команда выполняла вольные упражнения, и мне снова удалось завоевать первенство. На брусьях золотую медаль получила А. Келети. Однако судьба абсолютного первенства решалась на последнем снаряде — бревне. И здесь, в Мельбурне, бревно стало «контрольно-пропускным пунктом» для каждого из нас.

Мои математические наклонности нашли себе применение. Для того, чтобы знать, кто идет впереди, надо все время считать. Конечно, участникам соревнования на это не хватает времени, за них это делают тренеры, запасные спортсмены, наконец, просто болельщики.

Чем ближе финиш, тем напряженнее и запутаннее эти подсчеты, а своего апогея «математическая олимпиада» достигает к тому моменту, когда спортсмены подходят к последнему снаряду...

К этому моменту (как мне стало известно уже после окончания соревнований) Келети для победы надо мною нужно было не только успешно пройти «контрольно-пропускной пункт», но и оторваться от меня по крайней мере на две десятых балла. Почему мне не сообщили об этом, не знаю, может быть, для того, чтобы не сковывать моих сил. Но я и без этих подсчетов чувствовала всю остроту положения и вышла к снаряду, взволнованная до предела. К тому же помнилась ночная тренировка «про себя» и то чувство полнейшего равнодушия, которое я тогда испытала. Неужели это все повторится сейчас, наяву, в этом огромном переполненном зале?

«Сколько баллов мне надо получить, чтобы не подвести команду? Ведь это же надо знать. Почему же мне не сказали?» — думала я. Но кого спрашивать сейчас, когда решающая арена борьбы шириной в 10 сантиметров уже передо мной. Думать сейчас надо об одном: как бы не упасть, как бы хоть скромно, но довести комбинацию до конца. Вот в чем я себя убеждала, начиная свое упражнение... Несколько первых элементов позади... Все, кажется, в порядке. Но почему я так спокойна? Что со мной? Я с ужасом убеждаюсь, что совершенно равнодушна к тому, что происходит. Где же волнение, спасительное, необходимое мне как воздух? Куда исчезла та внутренняя, трепетная дрожь, которая придает уверенность телу? Руки, раскинутые в стороны, висят в воздухе совершенно недвижимо. Все повторяется, как тогда, в олимпийской деревне. Но теперь рядом судьи, зрители, весь мир, дышащий мембранами радиорепродукторов, потрескивающий затворами киноаппаратов, смотрящий на меня выпученными зрачками телекамер. Я напряженно вслушиваюсь во все эти желанные, знакомые шорохи, ищу их, жду. Ведь они всегда сопутствуют волнению, подъему!

Я продолжаю двигаться по узенькой деревянной планке, совершаю прыжки, повороты, а думаю только об одном: лишь бы не упасть. Замер зал, я не чувствую его дыхания, никого нет вокруг: ни подруг, ни Агнеш Келети, ни зрителей. И вдруг меня начинает трясти. «Быстрее, быстрее добраться до конца». Последний элемент, последнее звено в этой комбинации, которая для зрителя длится всего две минуты, а для меня уже столько времени, что его можно измерять только длиной часов, проведенных мною ночью на этой десятисантиметровой площадке.

Все! И с чувством радостного облегчения я прыгаю вниз. Теперь мне все равно, какую дадут оценку судьи, главное позади: я не упала. А когда были подняты судейские таблички, когда я увидела, что оценка судей колеблется между 9,3 балла и 9,1 балла, я вдруг услышала громогласный радостный крик моих подруг. Их руки были подняты. Они уже знали, что этой оценки достаточно для окончательной победы.

И командная победа осталась за нами. А на следующий день мы радовались победе и мужской команды Советского Союза.

...Промелькнули последние дни Олимпийских игр. Немало радостей доставили они нам. Все отчетливее рисовалась полная победа советской команды. Еще никому американские спортсмены не уступали первенства на Олимпиаде, а теперь они вынуждены отойти на второй план. И как же было не радоваться мне? Ведь в этом большом успехе советских спортсменов была и моя доля. Я увозила с собой на родину четыре золотые олимпийские медали: две за победу на снарядах, одну за командное первенство и одну, самую дорогую, за первое место в личном соревновании сильнейших гимнасток мира.

Остался позади далекий путь, проделанный на теплоходе «Грузия», пронеслись перед глазами необъятные просторы родной страны. Вот и Киев. Встреча с мужем, с матерью, родной институт, экзаменационная сессия. Сданы физиология, зачет по политэкономии и теория гимнастики. Как и раньше, рядом проходят две линии моей жизни — спорт и учеба. Без передышки, сразу же после приезда включилась я в занятия, и этому не могли помешать ни встречи с друзьями, ни выступления на многочисленных вечерах.

Радостно, лестно было чувствовать тот большой интерес, который проявляют советские люди к нашей победе на Олимпийских играх. Но я знала, что главный рассказ о виденном, о пережитом для меня еще впереди. В Херсоне ждал меня человек, с которым я не могла не повидаться сейчас, — Михаил Афанасьевич Сотниченко. Мой первый учитель прислал телеграмму, в которой просил приехать к нему.

Два года не была я в родном городе, и как радостно было думать о встрече с Михаилом Афанасьевичем и друзьями, думать о том, как я пойду по знакомым до последнего камешка улицам в родную школу!

Я предполагала, что меня встретят Михаил Афанасьевич с семьей, несколько подруг. Но какова была моя растерянность, мое смущение, когда перрон оказался до отказа заполненным людьми! С трудом нашла я Михаила Афанасьевича, его жену Серафиму Михайловну и их двух дочек — Наташу и Жанну.

И с первых же шагов в родном городе я должна была проститься с мыслью о задушевных беседах. Мне пришлось выступать на людных собраниях.

Особенно запомнился вечер в городском театре, куда пришла херсонская молодежь, мои сверстники и те, кто сменил нас в школьных классах и у снарядов в гимнастических залах. Я рассказывала им о победах Куца и Шаткова, Богданова и Тышкевич, о победе гребцов и борцов, пятиборцев и стрелков, ну и, конечно, гимнастов. А из-за стола на меня смотрело улыбающееся, взволнованное лицо Михаила Афанасьевича Сотниченко, человека, сделавшего меня спортсменкой.

Но вот закончен рассказ о Мельбурне, и я вынимаю небольшую плоскую коробочку, привезенную в Херсон из Австралии. В этой коробочке хранится золотая олимпийская медаль.

— Вот одна из четырех медалей, которую я получила на XVI Олимпийских играх, — говорю я дрогнувшим голосом. — Так разрешите же мне, дорогой учитель, вручить ее вам в знак моей глубокой признательности за все то, что вы для меня сделали.

И отдавать эту медаль было для меня еще радостнее, чем получать ее.

Литературная запись
В. ВИКТОРОВА.

Второй круг

ВТОРОЙ КРУГ КЛАСС «А» Данные на 10 сентября	Количество очков, выигранных в 1-м круге	«Спартак» (Москва)	«Динамо» (Москва)	ЦСК МО (Москва)	«Динамо» (Киев)	«Торпедо» (Москва)	«Буревестник» (Кишинев)	«Шахтер» (Сталино)	«Динамо» (Тбилиси)	«Зенит» (Ленинград)	«Локомотив» (Москва)	«Спартак» (Минск)	«Кр. Советов» (Куйбышев)	Количество очков по турам: 12 тур *	13	14	15	16	17	18
1. «Спартак» (Москва)	15	▨		3:1				4:2		3:4		2:1		15	15	17	19			
2. «Динамо» (Москва)	17		▨						4:2		2:0	3:0	6:0	19	21	23	25			
3 ЦСК МО (Москва)	11	1:3		▨				5:1	2:0			4:1	5:0	13	13	15	17	19		
4. «Динамо» (Киев)	16				▨	1:5						1:1		17	17					
5. «Торпедо» (Москва)	12*)				5:1	▨	3:3		5:1			2:2	1:1	13	14	15	17	19		
6. «Буревестник» (Кишинев)	8					3:3	▨			0:2	3:3	0:0	1:0	9	9	10	12	13		
7. «Шахтер» (Сталино)	9	2:3		1:5				▨		1:1		1:0	1:1	9	11	11	12	13		
8. «Динамо» (Тбилиси)	15		2:4	0:2		1:5			▨					15	15	15				
9. «Зенит» (Ленинград)	5	4:3					2:0	1:1		▨	1:2			7	9	9	10			
10. «Локомотив» (Москва)	12*)		0:2				3:3			2:1	▨		2:0	14	15	17	17			
11 «Спартак» (Минск)	5	1:2	0:3	1:4	1:1	2:2	0:0	0:1				▨		6	6	6	7	7	8	8
12. «Кр. Советов» (Куйбышев)	7		0:6	0:5		1:1	0:1	1:1			0:2		▨	7	8	8	9	9	9	

* У «Торпедо» и «Локомотива» не сыграл матч первого круга между собой.

После некоторого перерыва, вызванного международными встречами и состязаниями на Кубок СССР, начались матчи второго круга розыгрыша первенства страны по футболу. Для команд класса «А» наступил завершающий этап борьбы, определились лидеры чемпионата. Сейчас каждая встреча будет чувствительно влиять на положение в турнирной таблице. Скоро станет ясно, кому пироги да пышки, а кому синяки да шишки.

На мой взгляд, победит тот коллектив, который сумеет правильно распределить свои силы на всей дистанции турнира. Мы знаем много случаев, когда команда, хорошо начавшая сезон, не выдерживала физического и морально-волевого напряжения и скатывалась вниз по рубрикам таблицы. Показателен в этом смысле сильный коллектив тбилисского «Динамо». Он во второй половине турнира всегда выступает хуже, чем в первой. К тому же тбилисцы хорошо играют только на своем поле. Это напоминает малышей, умеющих читать только по своему букварю.

Неровно играют и такие команды, как «Зенит», «Буревестник»...

Даже сильные клубы — «Спартак» и киевское «Динамо» — показывают порою очень слабую игру. Последняя встреча киевлян с «Торпедо» — наглядный пример. Выигрывая в первой половине—1 : 0, они умудрились после перерыва пропустить пять мячей. Что произошло? Автозаводцы изменили тактику? Нет. У киевлян не хватило волевых качеств. То же можно было наблюдать в матчах чемпионов страны — спартаковцев — с «Зенитом», «Шахтером» и с минскими одноклубниками.

«Спартак» показал отличный футбол в состязаниях с заграничными клубами («Фиорентина» и «Васко да Гама»), однако матчи на первенство он играет с большим напряжением сил. Остается впечатление, что футболисты быстро утомляются.

Сейчас в чемпионате много равных по классу команд. Поэтому окончательная победа достанется тому коллективу, который покажет собранность, игровую дисциплину, неугасимое (до последнего матча и до последней минуты каждого матча) желание победить.

Такой командой является московское «Динамо». Порох команды всегда сухой. Настроение игроков всегда боевое. Это сказывается на результатах. Закончив первый круг с наибольшим числом очков — 17, динамовцы уверенно выиграли все четыре матча второго круга и теперь имеют 25 очков из 30 возможных.

Лидеры опередили на 6 очков своих ближайших соперников — «Спартака», «Торпедо» и ЦСК МО. Разрыв внушительный. Догнать динамовцев почти невозможно.

Интересно отметить, что за весь первый круг — за 11 соревнований — нападающие московского «Динамо» забили 14 мячей, а только за четыре матча второго круга — 15 мячей. Команда перешла в наступление. К тому же отличная их защита пропустила рекордно малое число мячей — 7.

Красивую атакующую игру во втором круге показывают торпедовцы и футболисты Центрального спортивного клуба Министерства обороны. Автозаводцы в хорошем стиле обыграли киевлян и тбилисцев (в обоих случаях со счетом 5 : 1), а армейцы нанесли крупное поражение «Шахтеру», куйбышевской команде «Крылья Советов» и минскому «Спартаку». По забитым мячам футболисты ЦСК МО занимают сейчас первое место.

В хорошей форме находится «Локомотив».

Напряженное положение создалось среди аутсайдеров: «Спартак» (Минск), н «Крылья Советов» (Куйбышев) только в этом году вернулись в класс «А», но находятся в угрожаемой зоне н одной ногой стоят в классе «Б».

Хочется еще отметить результативность соревнований. В первом круге многие встречи кончались ничейным итогом или победой с превосходством в один мяч. Турнирная таблица пестрела нулями и единицами. Двойка и тройка были признаком хорошей победы. А взгляните на таблицу второго круга: здесь есть такие цифры, как 4 : 2, 4 : 3, 5 : 1, 5 : 0, 6 : 0!

Это говорит о том, что к осени большинство коллективов обрело хорошую спортивную форму, которая позволила вести игру в быстром, атакующем стиле.

Константин БЕСКОВ,
заслуженный мастер спорта

«Спартак» в Италии

Нашего приезда в Италию давно ждали любители футбола. Это видно было по тому интересу, который проявили флорентинцы к спартаковцам.

С футболистами клуба «Фиорентина» мы встречались в Москве сравнительно недавно. Мы знали их высокие технические возможности, тактику и стиль игры. Однако в их составе произошли некоторые изменения. Линия нападения была усилена. На сей раз в ней играли знаменитый аргентинец Монтуори, его друг Лакокано, только что приехавший из Аргентины, и левый край Принн. К тому же в Москве мы соревновались на мокром грунте и с тяжелым мячом, а во Флоренции—при 40-градусной жаре на сухом, идеальном поле, которое мы назвали «бильярдным столом с двумя лузами».

Итальянцы, зная атакующий стиль наших футболистов, по-особому расставили игроков: оттянули Сегатто из полузащиты в защиту, а форвардов Граттона и Принни — в полузащиту; причем Граттон имел задачу «обезвредить» И. Нетто. Линию своей обороны они всегда выдвигали далеко вперед, искусственно создавая таким образом положение «вне игры». Впрочем, они дважды на этом попались. Сначала Н. Симонян рывком ушел от Арзана, обвел вратаря и забил мяч, а в начале второй половины игры уйти удалось С. Сальникову.

Москвичам уже известно, что мы победили со счетом 4 : 1. Хочется рассказать лишь о последнем, очень красивом голе: М. Огоньков быстро прошел к центру поля и послал длинный навесной мяч вперед, а Н. Симонян с лету, метров с 20 сильным ударом направил его в верхний угол ворот. Итальянцы говорили мне, что такого мяча они не видели очень давно.

Следует отметить, что при высокой технике и умной тактике итальянским футболистам явно не хватало физической выносливости. Вторую половину матча мы полностью доминировали на поле, показали красивую маневренную игру, которую много раз флорентинцы встречали аплодисментами.

В Милане матч начался в 10 часов вечера (по московскому времени в полночь). Объяснили это нам так:

— Во-первых, будний день, во-вторых, миланцы всегда ужинают в 8 часов, и ничто не может нарушить их режим, и, в-третьих, интерес к матчу так велик, что возможны автомобильные «пробки».

Матч проводился при электрическом свете, на отличной площадке, отгороженной от зрителей трехметровой сеткой.

Футболисты «ФК Милана»—чемпионы страны. Кстати сказать, за последние 10 лет клуб 9 раз был чемпионом Италии, уступив лишь в прошлом году «Фиорентине». Объясняется это тем, что миланцы имеют огромный стадион, вмещающий 130 тысяч зрителей, а значит, и большие доходы, которые дают возможность закупать футболистов не только в Европе, но и в Южной Америке.

Москвичи видели миланцев два года назад, но от того состава осталось лишь три футболиста.

Игра сложилась для нас менее благоприятно. Имея подавляющее превосходство, «Спартак» закончил матч вничью — 3 : 3. Достаточно сказать, что наша команда подавала 26 угловых ударов! Миланцы тактику своей обороны не изменили. Они вновь стягивали к воротам 7—8 игроков, создавая так называемую «цепочку Пуричелли». Только ошибки наших защиты и вратаря, а также блестящая игра миланского вратаря Солдана позволили итальянцам уйти от поражения.

В заключение хочется сказать о хорошем приеме, оказанном нам и во Флоренции и в Милане.

Газеты давали похвальные отзывы об игре москвичей. В частности, после второго матча газеты писали: «Спартак» помиловал «ФК Милан», «ФК Милан» спасся чудом» и т. п.

Ник. СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта.

Флоренция — Милан.

Пенальти. Вратарь «Фиорентины» Сарпи бросился вправо, а Исаев пробил влево гол.

Из прошлого

В воротах — Михаил Гаркави

Летом 1923 года внимание москвичей — любителей спорта привлекли афиши, сообщавшие о предстоящем футбольном матче между командой «Динамо» и сборной командой артистов Москвы. В один из воскресных дней этот товарищеский матч состоялся на спортивной площадке «Динамо», находившейся в районе Мещанских улиц. Интересное состязание привлекло много зрителей.

Общество «Динамо» выставило свою третью команду. Среди ее противников оказались работники искусства, хорошо известные и современному зрителю. Ворота артистов оборонял конферансье М. Гаркави. В числе защитников и полузащитников артистической команды находились А. Курихин (Театр сатиры), Н. Коновалов (МХАТ), балетмейстер Л. Жуков (Большой театр). В нападении играли Е. Вигилев (Камерный театр), К. Малахов (эстрада), режиссер А. Арнольд (цирк). Одним из боковых судей этого матча являлся Г. Ярон (Театр оперетты).

Среди актеров были неплохие футболисты; вся артистическая команда играла очень старательно и пользовалась поддержкой болельщиков, но сильнее все же оказались динамовцы. Михаилу Гаркави пришлось трижды вынимать мяч из сетки, а динамовскому вратарю — только раз.

Большинство выступавших артистов и до этого интересного матча и после него играло в футбольных командах своих театров, а Казимир Малахов долго входил в сборную Москвы. Он был в ней партнером таких известных футболистов, как Ф. Селин, П. Канунников, Н. Соколов, П. Исаков, К. Блинков, участвовал в международных встречах с командами Норвегии, Германии, Турции.

К. Малахов до сих пор не порывает связей со спортом. Он является председателем дисциплинарной комиссии Всероссийской секции футбола и хоккея.

Кстати сказать, остался в рядах спортсменов и М. Гаркави, но уже в качестве шахматиста. Он с успехом играет за шахматную команду Центрального дома работников искусств.

Е. ВАСИЛЬЕВ

Встреча читателей с Джеймсом Олдриджем

33-я конференция читателей библиотеки московского завода «Компрессор» была посвящена творчеству Джеймса Олдриджа. На конференцию пришли рабочие, служащие, инженерно-технические работники, много заводской молодежи. Встречу открыл писатель А. Чаковский, рассказавший о том, как Джеймс Олдридж в годы второй мировой войны принимал активное участие в борьбе против фашистской Германии. Затем выступили читатели. В заключение встречи Джеймс Олдридж поблагодарил своих московских друзей за внимание и теплые слова о его книгах.

На снимке: Джеймс Олдридж среди читателей в клубе завода «Компрессор».

Фото И. Зильберминца.

Гости «Огонька»

Недавно в редакции журнала «Огонек» побывал гватемальский писатель Мигель Анхель Астуриас. В Советский Союз Мигель Анхель Астуриас прибыл в качестве почетного гостя VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

На снимке: Мигель Анхель Астуриас и его супруга в редакции «Огонька».

Фото Дм. Бальтерманца.

Фото Я. Рюмкина.

Поле русской славы

В этом году исполнилось 145 лет со дня Бородинского сражения. Не удивительно, что еще за несколько дней до исторической даты поток экскурсантов на знаменитое поле русской славы и в Бородинский музей значительно увеличился. 8 сентября в Бородино приехали многочисленные гости из столицы и Московской области. У памятника Кутузову, воздвигнутого на окраине деревни Горки, на том холме, откуда фельдмаршал руководил сражением, собрались тысячи людей. Были возложены венки у памятника Кутузову, у могилы Багратиона, на батарее Раевского, у памятников легендарных полков, сражавшихся на Бородинском поле. Возложили также венки на братских могилах советских воинов, погибших на Бородинском поле во время Великой Отечественной войны.

На батарее Раевского военный оркестр играл старые русские марши времен войны с Наполеоном. После возложения венков на Бородинском поле состоялось большое народное гулянье, в котором приняли участие и приезжие гости и местные жители.

Бородинское поле всегда останется для каждого русского человека, любящего свою Родину, местом поклонения: здесь прадеды наши явили всему миру пример несравненного мужества, доблести и воинского искусства, нанеся смертельный удар наполеоновской армии, доселе непобедимой.

«ДЕДАМ-ГЕРОЯМ ПРИЗНАТЕЛЬНЫЕ ПОТОМКИ»

Вот оно, Бородинское поле. За деревней Горки сразу же показывается большой бронзовый орел, парящий над обелиском из розового гранита. На передней грани обелиска блестящий бронзовый меч и золотом отсвечивающие слова: «Неприятель отражен на всех пунктах. Кутузов». Это широко известный памятник на одном из командных пунктов полководца.

Среди заросших травой земляных валов знаменитых Багратионовых флешей возвышается другой обелиск — черный, полированный, с надписью: «Бессмертной дивизии Неверовского, героям Шевардина и Семеновских флешей». На лицевой грани — подпись автора монумента: В. А. Иванов.

Недавно одна из групп экскурсантов встретила здесь пожилого высокого человека с пышными седыми волосами.

— Вот, товарищи, познакомьтесь, — сказала им экскурсовод. — Из Москвы приехал сам автор этого памятника — Владимир Александрович Иванов. Он часто бывает у нас, консультирует реставрационные работы.

В. А. Иванов и В. Г. Якунин у памятника кирасирской дивизии Дуки.

Памятник 27-й пехотной дивизии Неверовского.

Вместе с В. А. Ивановым экскурсанты прошли к расположенному неподалеку (тоже его работы) памятнику кирасирской дивизии Дуки. Неподалеку стоит новый небольшой белый домик.

— Здесь живет еще один из строителей памятников Бородина,— говорит В. А. Иванов,— рабочий-полировщик Якунин. Он трудился около восьми лет в мастерской, где изготовлялись по моим проектам одиннадцать юбилейных памятников для Бородина.

77-летнему рабочему, ныне пенсионеру, государство построило дом.

В. А. Иванов вспоминает:

— Создавались эти памятники на деньги, собранные в самих полках, на последние солдатские медяки и деньги армейских офицеров. Поэтому и надписи гласят: «Дедам-героям признательные потомки».

А. СИЗОВ
Фото П. Володина.

НА СЦЕНЕ МАЛОГО ТЕАТРА

30 августа 1882 года в Московском Малом театре шел спектакль «Горе от ума». В роли Чацкого впервые выступал только что принятый в труппу «дома Щепкина» молодой артист Александр Иванович Южин.

Новому исполнителю роли героя грибоедовской комедии было в ту пору 25 лет. Позади остались учение в первой тифлисской гимназии, где будущий Южин (его настоящая фамилия Сумбатов) сдружился на всю жизнь со своим одноклассником Вл. И. Немировичем - Данченко, и юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы в Петербурге Южин делается актером бродячих трупп, играющих то на клубных подмостках города, то в окрестностях тогдашней столицы. Сценические выступления приводят к разрыву с отцом, который даже представить себе не может, что его сын будет не адвокатом или прокурором, а каким-то актером.

К. Юон. А. И. ЮЖИН. 1923 год. Карандаш.

Придя в 1882 году в Малый театр, Южин оставался в нем до дня своей смерти в 1927 году. И эти сорок пять лет творческой жизни Южина составляют целый этап в театральной жизни, являясь своего рода мостом от старого русского театра к новому, советскому.

Когда близился первый, еще пятилетний юбилей молодой Советской республики, было издано постановление Совета Народных Комиссаров о присвоении Южину звания народного артиста республики. В постановлении, помеченном 15 сентября 1922 года, читаем следующее:

«Ввиду выдающихся заслуг А. И. Южина, как высокоталантливого артиста, драматурга и организатора, в продолжении 40 лет плодотворно служившего русскому искусству, присвоить ему звание народного артиста Республики».

В этих словах перечислены три стороны творческого лица Южина: его сценический талант, дарование драматического писателя, выдающиеся способности организатора, так ярко выразившиеся в многолетнем руководстве коллективом Малого театра. Недаром тогдашний нарком просвещения А. В. Луначарский назвал Южина «старостой Малого театра». У этого старосты была еще одна великая заслуга. В трудные годы становления Советского государства Южин ни на шаг не отступил от того, что считал своим долгом: «дать народу высшие и ценнейшие достижения русского театра». Сознание этого долга помогло Южину сохранить драгоценное наследие Малого театра и передать его в руки новой, народной власти.

Но и в качестве мастера сцены, и в качестве драматурга, и в качестве первого советского директора Малого театра Южин был и оставался актером. Вот почему, обращаясь к той или иной пьесе, к ее идейным и литературным качествам, он видел в ней сценическое произведение, которое должно быть раскрыто в стройном ансамбле исполнителей.

Шестнадцать пьес, написанных Сумбатовым и в свое время ставившихся на сцене Малого, петербургского Александринского и крупнейших провинциальных театров, представляли особый интерес для артистов любых возрастов и жанров. Драмы и комедии Сумбатова были проникнуты благородным гуманизмом, и в них было что играть и над чем работать. Южин давно разглядел, как идет к крушению то общество, в котором он жил и вращался.

Начав путь актера в Малом театре ролью Чацкого, Южин простился со сценой, выступив (последний раз в жизни!) в роли Фамусова 7 декабря 1926 года. «Горе от ума» было как бы прологом и эпилогом творчества Южина-актера. Известно, что Южин сыграл в Малом театре 255 ролей.

У Южина была массивная фигура, широкий жест, крупное, мужественное лицо, великолепно поставленный голос. Каждую роль он как бы обводил четким и резким контуром. Виртуозно владея всеми оттенками сценической речи, прозаической и стихотворной, Южин любил выступать и в комедийном репертуаре. В «Стакане воды» Скриба, играя рядом с Ермоловой, Лешковской, Южин с блеском исполнял роль остроумного и циничного политического деятеля Болингброка. В галерее «театра Островского» особенно выделяется Телятев Южина в «Бешеных деньгах». Южин-Фамусов по праву соперничает с такими знаменитыми исполнителями этой роли, как Щепкин, Ленский, Самарин, Давыдов.

Южин умер в день, когда ему исполнилось 70 лет. Это было 17 сентября 1927 года. Покинув по состоянию здоровья сцену, но оставаясь почетным директором Малого театра, Южин вернулся к драматургии. В течение многих лет он вынашивал замысел пьесы о Рафаэле, великом художнике и гуманисте. И вот пьеса была закончена, Южин написал желанное слово «конец»! Он и умер за письменным столом, держа в руке перо.

Сегодня, когда мы отмечаем 100-летие со дня рождения Южина, нельзя не вспомнить характерного факта. В 1927 году к нему обратились с вопросом: «Что сделала Советская власть за 10 лет в области театра?» Южин ответил: «Для театра Советская власть за эти десять лет сделала все, что возможно было сделать в условиях гигантской революционной ломки старого и строительства новой жизни, чтобы сберечь новому государству культурное наследие прошлого, дать укрепиться новым течениям русского театра и сблизить его с широкими пролетарскими массами».

Н. ВОЛКОВ

Почему они поженились

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

— Скажите, вы не знаете, почему они разводятся? Такие молодые...

Женщина с любопытными глазами заглянула в зал суда, на цыпочках пробежала к свободному месту и, усевшись, задала этот вопрос случайному соседу.

Это была одна из тех женщин, которые примыкают к очереди в магазине: «Вы крайняя? Я за вами»,— а потом уже спрашивают: «Что дают?»

Ее случайный сосед, не глядя на нее, ответил:

— Сидите и слушайте, если вам интересно.

В этом зале многим было интересно, почему разводятся двое молодых людей, проживших вместе всего только десять месяцев. Первые ряды занимала молодежь, позади сидело несколько пожилых женщин и мужчин.

Мне известно, почему разводятся Борис и Алла: по обоюдному согласию, не сошлись характерами. В совместной жизни у них ни в чем, почти ни в чем, не было обоюдного согласия. В деле о разводе оно нашлось.

Вот они в центре всеобщего внимания. Борису двадцать четыре года. Стройная, спортивная фигура; лицо из тех, про которые говорят: хорошее лицо. Это значит: не красивое, но и не плохое. При желании можно найти в нем привлекательные черты: высокий, чистый лоб, задумчивые серые глаза. По его лицу незаметно, что он был сильно огорчен, расстроен, что он не спал ночь перед судом. У него такое выражение, какое бывает у людей, когда им жмут башмаки: противно и неудобно, но можно еще некоторое время потерпеть; зато будет хорошо, когда придешь домой и разуешься.

Он одет тщательно и со вкусом, но так, чтобы не бросаться в глаза. Ведь это суд, а не вечеринка и не театр.

Алла, наоборот, чувствует себя, как на сцене в самодеятельном спектакле: принимает красивые позы, старается понравиться всем. Поправляет пепельные локоны, ожерелье на шее. Движения рук легки, изящны, наверно, не раз прорепетированы перед зеркалом.

Она хорошенькая. Конечно, в такую девушку можно влюбиться. Впрочем, как во всякую другую.

Кого мне жаль искренне, так это мать Бориса, Марью Гавриловну. Она сидит в третьем ряду. У нее все еще красивое, но поблекшее, такое усталое лицо. Если для кого-нибудь этот развод — драма, так это только для нее. Она мечтала о счастье для сына. Ну, конечно, и для себя тоже. У нее, кроме Бориса, нет никого. Муж погиб на фронте в сорок четвертом году. Они жили вместе долго, но любовь не уходила с годами.

Бывает, что любовь — прекрасная, праздничная, веселая — возьмет и уйдет в один незадачливый день, без предупреждения, без объяснения причин. А на ее месте поселится привычка, иногда вполне приемлемая, хотя и будничная, но вежливая, заботливая, а иногда сварливая, бессовестная, все недостатки на виду. И все-таки привычка.

Родители Бориса всю жизнь старались нравиться друг другу во всем. Это одинаково касалось и внешности и душевной красоты. Они любили и берегли друг друга. И между ними было то необходимое в совместной жизни взаимное уважение, которое не допускает глупой игры в молчанку по неделям или безобразных сцен с грубыми словами и битьем посуды. Потом, как ни склеивай посуду универсальным клеем, а трещина все равно остается.

Но вот он погиб в сорок четвертом, и она осталась одна с Борисом. И тогда она твердо решила: ей не надо новой доли. Все, что недожила, недолюбила, пусть достанется сыну! Чтоб ему и счастья и любви — вдвойне. Ведь матери так щедры! Но любовь и счастье нельзя передать по наследству, как часы или кольцо.

— Вы живете вместе так недолго,— говорит судья, пожилая женщина, похожая на внимательного врача или на терпеливую учительницу. — Вы говорите: не сошлись характерами. Но в вашем возрасте характеры меняются. Зачем спешить с окончательными выводами?

— Я могла бы подождать, — четко говорит Алла, — но при условии, что я буду ждать изменения характеров в отдельной квартире.

— Но ведь вы живете в отдельной квартире, принадлежащей матери вашего мужа,— говорит судья.

— В этом все и дело! — торопливо отвечает Алла и становится похожей на птицу, которая рассердилась и собирается клюнуть.

— Я неоднократно предлагала разъехаться: мы — отдельно, мать — отдельно. Но, очевидно, моему мужу мать дороже, чем жена!

Дороже, дешевле... Как будто мать набивала себе цену!

Алла говорит как-то особенно гордо, как герцогиня в оперетте, надменно вскинув голову:

— Она, очевидно, рассчитывала, что сделает из меня бесплатную прислугу. Но этот номер не удался. Я и дома, у родной матери, не занималась кухонными делами.

Судье ежедневно приходится выслушивать много грубого, злого и вздорного. Спокойствие, терпение и выдержка — профессиональные навыки судьи.

Мать Бориса опускает голову и прикрывает глаза рукой. Все, что говорит Алла,— неправда. Как можно так самоуверенно, беззастенчиво врать!

— Это неправда,— говорит Борис.— Моя мать первое время все для нас делала: и стряпала и убирала. Она такой человек, что ради доброго слова все сделает! Только раз она попросила Аллу вымыть посуду, и тогда Алла ей ответила: «Я вам не прислуга!»

— Правильно ответила! — довольно громко произносит франтоватый молодой человек в первом ряду.

Судья звонит в колокольчик.

Люди в зале сидят, смотрят и слушают. Одни, наверно, думают: до чего же противно, когда вот так, публично, выносят сор из избы! Уж лучше ссориться и мириться тихо, а еще лучше совсем не ссориться... Другие качают головой: ведь сколько интересного есть в жизни, особенно у молодых,— перед ними весь мир, еще не открытый ими и как следует не распробованный, а они уткнулись в свои мелочные дела и ничего не видят кругом... Некоторые сочувствуют: да уж, когда семейная жизнь не заладится, белый свет не мил!

Посторонняя женщина с любопытными глазами шепчет:

— Хуже нет, когда родители живут вместе с молодыми! Всегда на разных языках говорят.

Алла, когда смотрит на Бориса, щурится и презрительно кривит губы. А ведь еще года не прошло с тех пор, как она таяла, подолгу глядя ему в глаза...

Почему они расходятся, я знаю. Но я непременно хочу знать другое: почему они поженились?

У Бориса есть друг. Этот друг, Сергей, тоже сидит в зале вместе со своей женой. Время от времени он спрашивает ее: «Ты не устала? Тебе удобно? Тебе не душно?»

Когда Алла взглядывает в их сторону, она старается принять особенно изящную позу, чтобы все видели разницу между ее легкой девичьей фигурой и грузным телом беременной жены Сергея.

Борис и Сергей росли вместе; их родители — соседи по дому. Мальчики вместе учились, вместе проводили каникулы. Когда один получал тройку, другой не лез самоотверженно в троечники, но помогал товарищу изо всех сил. Отец Бориса был врачом. У Сергея отец — видный хирург. Теперь он часто говорит: мой незабвенный, лучший друг. После гибели друга он считал своим священным долгом опекать его семью.

У мальчиков всю жизнь было все общее. И вдруг Сергей женился, и Борис оказался «вне игры». Впрочем, не совсем так. Сергей женился не вдруг. Он четыре года любил свою Катю. Сперва не очень верно, увлекался другими девушками, отчего Катя страдала, ревновала, ссорилась «навеки». Но увлечения, даже самые сильные, как, например, балериной из Большого театра («С ума сойти, какая девушка!» — говорили приятели), проходили.

Борис тоже увлекался девушками, но у него не было верной и преданной Кати.

И вот Сергей женился, а Борис оказался «вне игры». В обиход вошло слово «жена». Раньше это слово было чужим и неинтересным: жена Петра Петровича, чья-то там жена... Теперь, с притяжательным местоимением «моя», это слово приобрело огромную ценность и исключительный интерес.

— Познакомьтесь, это моя жена!.. Мы с женой... Жена мне сказала...

Борис почувствовал себя обездоленным и одиноким. Он во всем подражал приятелю и после его женитьбы стал часто повторять:

— Вот возьму и женюсь.

— Сережа долго проверял свои чувства к Кате,— говорила Марья Гавриловна.— Последние два года он уже был уверен, что лучше Кати для него нет никого на свете.

— А бывает, что с первого взгляда — и на всю жизнь!— в тоне спора отвечал Борис.

Приятели Бориса и Сергея с виду жили более или менее одинаково, но все — по-разному.

Геннадий говорил:

— Надо сбеситься, с этих лет жениться!

Он конструировал уже третий телевизор, учился отлично, въедливо, напористо.

Николай со второго курса любил Аню. У них все было просто и ясно. И когда они рядом сидели в читальне, они действительно углублялись в «Расчеты и конструирование металлорежущих станков», а не томились и не замирали от нечаянных или намеренных прикосновений. Когда томятся и замирают, то «основные факторы, определяющие структуру кинематических цепей станка», усваиваются значительно медленнее и хуже — это проверено на практике не одним поколением студентов.

У Владимира, как шепотом секретничали девушки, был «настоящий роман» с какой-то женщиной, но никто из них никогда не видел ее и не знал, кто она. Пустили слух, что она очень самостоятельна и «страшно элегантна». Все это возбуждало любопытство и окружало Володьку атмосферой загадочности. А сам он хоть и не опровергал слухов, но никому ничего не рассказывал. Может быть, он действительно любил эту женщину (если она вообще существовала) и оберегал. А может быть, немного рисовался своим благородством. Девушки тайно вздыхали по нем и ревновали к предполагаемой таинственной даме Володькиного сердца.

У всех было что-то свое. Борис грустил и думал, что у него хуже всех.

Кончив институт, он вместе с Сергеем стал работать на одном новом подмосковном заводе. Это было трудно и необычайно интересно. Все обращались с ними как со специалистами-инженерами: и директор и рабочие. А они еще так часто чувствовали себя мальчишками: беспокоились, как

бы не уронить своего достоинства, но больше всего опасались, как бы не наделать ошибок.

Молодоженам, Сергею и Кате, дали квартиру в только что выстроенном заводском доме. Летом они пригласили Бориса пожить у них, чтобы не ездить каждый вечер домой, в город. Уж очень хороши подмосковные вечера! А ночевать можно на балконе.

Все произошло за какую-нибудь неделю.

Вечером ходили в лес и на речку большой компанией: молодые инженеры, лаборантки, практиканты. Борис нравился девушкам, и они выступали в своих ролях: одни — гордые и неприступные, другие — веселые озорницы-хохотушки. Была одна девушка, очень начитанная. Она не давала прохода Борису:

— Вы это читали? А это?.. А Хемингуэя? А «Мадам Бовари»? Нет? Обязательно прочтите. Хотите, я вам достану?

Борис не читал Флобера, он любил приключенческие романы, обожал Шейнина, не расставался с «Бравым солдатом Швейком». Он избегал начитанную девушку, потому что чувствовал себя в ее присутствии, как перед экзаменатором.

Но вот появилась Алла, и он перестал замечать всех остальных.

Она не понравилась девушкам, но они, чтобы не казаться при ней незаметными, стали подражать ей. Ее коронным номером было появление на берегу речки в купальном костюме с вытканными на груди скорпионами.

— Это парижский костюм,— пояснила она небрежно.

Она красиво танцевала вальс и фокстрот, а когда показывала сумасшедшие выверты рок-н-ролла, то сама смеялась и говорила:

— Это меня научили. До чего нелепо, правда?

Когда Алла говорила с Борисом, она смотрела ему прямо в глаза и улыбалась, показывая чистые, белые зубы. Внезапно проявляла материнскую заботу:

— Ой, какой усталый вид! Бобочка, нельзя же работать до одури! А с питанием как обстоит дело? Нужно кушать шоколад, он поддерживает нервную систему. Вот шоколадка... Нет, нет, не отказываться! Я сегодня богатая, я получила зарплату.

Борис томно жевал шоколад и наслаждался сладостью девичьей заботы и ласки.

На третью ночь после знакомства Борис не ночевал на балконе: он до утра прогулял с Аллой в лесу.

В лицо им дышала душистая ночь, и, может быть, Алла даже не слишком притворялась, когда сказала:

— Я люблю тебя! Мне не стыдно признаться в этом первой, думай обо мне, что хочешь, но я тебя люблю, как никого никогда...

Сергей и Катя очень хотели женить Бориса, но они совсем не имели в виду Аллу. Они советовали:

— Тебе нужно скромную, разумную девушку, не обязательно красавицу, не самовлюбленную, а чтоб она любила тебя.

А Борис в это время думал: «Алла любит меня, как никого никогда. И мне не нужно никакой другой! Она, только она...»

Последней узнала о его любви Марья Гавриловна. Он боялся, что мать будет уговаривать его подождать, получше узнать девушку. А ждать он не хотел. В день, когда была назначена регистрация их брака, он сказал матери, отводя глаза в сторону:

— Мама, теперь уже поздно об этом говорить. Я женюсь. Она любит меня.

Борис, бесхарактерный и неопытный, почувствовал себя неимоверно счастливым и гордым оттого, что сумел внушить за несколько дней такое сильное чувство.

Конечно, мать многое могла бы сказать: «Ты должен был познакомить ее со мной... Я опытнее тебя и больше знаю жизнь... Несколько дней — слишком короткий срок, чтоб узнать друг друга»... И так далее и тому подобное.

Но Марья Гавриловна ничего такого не сказала. У нее было правило, как она говорила, не кудахтать над снесенным яйцом. Это относилось и к мелочам вроде залитой вином скатерти, из-за которой некоторые женщины способны поднимать крик на целый день, как будто пятно может исчезнуть от крика; и к серьезному — к тому, что, кричи не кричи, уже не исправишь, и только нужно запомнить ошибку, чтобы не повторять ее в будущем.

Невестка пришла в дом, и началось самое трудное — поиски путей к человеческому сердцу. Но пути искала одна мать.

Может быть, Алла была заранее предубеждена, наслушавшись рассказов о том, как свекрови портят жизнь?

Мать приняла Аллу без фальшивой и наигранной радости (радоваться было нечему: ведь девушка не пожелала познакомиться с ней до сближения с сыном), но и без обиды. Сказала только:

— Ну, хоть теперь познакомимся, когда уже стали родственниками.

Алла засмеялась, блеснув великолепными зубами:

— Лучше поздно, чем никогда! Ой, я так рада!..

Это было глупо для первого знакомства, что почувствовал даже влюбленный Борис. Но мать подумала: лучше не замечать первых нескладных слов Аллы: девушка смущена, взволнована. Она стала показывать ей квартиру:

— Как видите — или лучше: как видишь,— у нас просторно, три комнаты. Столовая, она же гостиная... Моя комната... Здесь все осталось, как при Борином отце: его письменный стол, книжный шкаф, кресло у балконной двери. А это комната Бори, теперь ваша.

И началась совместная жизнь. Жизнь — такое короткое слово, и так много в нем всего: счастье и горе, большие дела и огромное количество мелочей. Учение и любовь, работа и творческие порывы, одинаково знакомые и дорогие студенту и академику, писателю и столяру. И дом, в котором живешь, и платье, которое носишь, и посуда на столе, и цветы на окне — все это тоже входит в жизнь, украшает и радует или портит и омрачает ее.

— Ой, как приятно в большой квартире! — говорила Алла. — Я жила в комнате с двумя лаборантками. До того надоело! С удовольствием бывала у Сережи с Катей: у них отдельная квартира, отец помогает, хорошо живут!

— Они хорошие люди, Алла, потому они и живут хорошо, — отвечала мать. — Но ведь можно и в большой квартире и при больших деньгах жить плохо.

— Ну, уж это — кто не умеет! А я бы сумела. Деньги очень много значат. Например, что́ я зарабатываю — гроши! Не закончила высшего образования, начала работать...

У Аллы два года тому назад умерла мать, отец женился, отношения в семье испортились, и девушка пошла работать в заводскую лабораторию. Марья Гавриловна предложила:

— Хочешь, оставь работу, учись.

— Ой, правда?

Алла ушла с работы, сказала:

— Месяц отдохну, а потом примусь за учебу!

Но прошел месяц, а за учение она так и не принялась. Вставала поздно — наконец-то можно отоспаться! — кипятила кофе, обливала им плиту и не убирала за собой. Марья Гавриловна возвращалась из библиотеки и принималась за хозяйство.

— Я совершенно не умею хозяйничать,— говорила Алла.

Что она делала целый день одна в квартире? Марья Гавриловна поначалу считала неудобным давать невестке какие-нибудь поручения, но потом подумала: живем все вместе, нужно друг дружке помогать.

— Алла, а если мы так сделаем: я буду стряпать обед, а ты станешь покупать продукты. У меня на это уходит очень много времени.

Невестка ничего не ответила, по привычке слегка пожала плечом, а на другой день Борис смущенно сказал матери:

— Алла предлагает: может быть, нам лучше питаться врозь?

— Когда семья не собирается за одним столом, это уже не семья,— сказала Марья Гавриловна.— Помнишь, отец всегда дожидался твоего возвращения из школы?

— Ну, я не знаю, делайте, как хотите,— сказал Борис. (Он всегда старался отмахнуться от всех решений, больших и маленьких.)

Алла настояла на своем. Иногда они еще все вместе пили чай в столовой, но чаще она уносила чайник к себе и говорила Марье Гавриловне:

— Мы будем смотреть телевизор и пить чай. Если хотите, приходите.

Однажды Марья Гавриловна вернулась домой в неурочное время и застала гостей. В ее комнате стояли перед зеркалом и примеряли шляпы две незнакомые девушки, а франтоватый молодой человек расположился в кресле у балконной двери и с видом знатока давал оценку шляпам.

Их не смутил приход Марьи Гавриловны. Как видно, хозяйкой они считали Аллу. Мать сдержанно сказала:

— Алла, может быть, ты перейдешь в свою комнату? Мне нужно переодеться.

Алла не познакомила ее с гостями, не извинилась. Сказала небрежно:

— Здесь большое зеркало, удобнее примерять. Друзья, пошли!

На этот раз Марья Гавриловна решила серьезно поговорить с сыном, но Алла опередила ее — вероятно, пожаловалась,— и разговор получился неприятным.

— Ты, мама, подчеркнула при посторонних, что у Аллы есть своя комната и что она как будто квартирантка в доме, а ты хозяйка. Я не ожидал от тебя такой бестактности.

А мать не ожидала такой грубой несправедливости от своего сына.

Алла стала играть в молчанку — день, два, неделю. Марья

Гавриловна всегда и чужим-то говорила, что это самый скверный способ выказывать свое неудовольствие. Есть же слова, разумные и понятные, которыми можно объяснить свою обиду, договориться. Невестка не желала объясняться, она предпочитала молчать. Зато она часами разговаривала по телефону. Если на телефонный звонок почему-нибудь подходила Марья Гавриловна (Алла всегда старалась подбежать первой) и в трубке раздавался мужской голос: «Попросите Аллу!» — всегда без «пожалуйста»,— мать звала:

— Алла, к телефону!

Начиналась увлекательная беседа:

— Ой, да что ты говоришь! Третий раз? А я все время дома... Ну, ты же учитываешь... ситуацию.

И так далее.

Однажды Борис застал дома веселую, подвыпившую компанию. Он притворно радостно удивился, а когда компания ушла, произошел первый семейный скандал.

И тогда Алла высказала все: что из нее хотели сделать прислугу, но этот номер не прошел, что «старуха» живет в огромной комнате с балконом, а они ютятся черт знает где (комната Бори была чуть поменьше) и что она совершенно не собирается жить затворницей, только этого еще не хватало! Счастливая семейная жизнь, нечего сказать: муж является с работы, нажирается (прежде она говорила «кушай шоколадку», «я кушаю, он кушает», теперь в припадке злости кричала «нажирается», забывая о золотой середине — глаголе «есть») и заваливается спать, а она молодая, ей жить хочется! И вообще надо срочно менять квартиру и жить отдельно, она не собирается до старости глядеть из чужих рук!..

Значит, руки матери, вынянчившие Бориса, это чужие руки... Марья Гавриловна сидела у себя в комнате, на кресле у балконной двери, и слышала каждое слово. Алла нарочно кричала на всю квартиру. А что скажет Борис?

Борис сказал:

— Я в этой квартире вырос и менять ее не собираюсь, здесь жил мой отец. И я — слышишь? — я запрещаю тебе дурно говорить о моей матери! Она все делала, чтоб мы жили мирно, а если ты...

Значит, он все-таки видел старания матери установить мир в семье. Стало быть, он понимает, что мать ни в чем не виновата.

Марья Гавриловна вышла и тихо сказала:

— Мне очень тяжело слышать, как вы ссоритесь. Алла, ведь ты не права во многом. И если мы поговорим спокойно...

— Можете разговаривать спокойно со своим сокровищем, я вам не помешаю! — выкрикнула Алла, накинула пальто и выбежала за дверь.

Она не ночевала дома. Но на другой день вечером они вернулись вместе. Алла подошла к матери и тоненьким голоском произнесла:

— Марья Гавриловна, извините меня, я столько всего наговорила, но после смерти мамы я стала такая нервная, прямо псих. Уж вы на меня не сердитесь, честное слово, я больше не буду.

Марья Гавриловна протянула ей руку. Она не могла заставить себя обнять невестку. Сама она не умела притворяться и ясно видела притворство Аллы. Борис посоветовал ей попросить прощения, и вот она извиняется, ссылаясь на свои нервы. Но говорят, что худой мир лучше доброй ссоры.

Мир был недолгим. Алла стала мечтать о поездке в Крым, а Борис собирал материал для диссертации.

— Никогда не бывала в Крыму,— печально говорила Алла.— В конце концов, ведь это не так уж дорого. Мне, конечно, не хочется ехать одной, но сейчас там наши заводские девчата. Они так меня зовут.

Борис нечаянно нашел письмо со штемпелем «Ялта». Решил, что это от лаборанток. Но почему Алла спрятала его в гардеробе, под бельем? Повертел письмо в руках, не удержался и прочел:

«Аллочка-детка! Мы все здесь без тебя скучаем чертовски, а я, твой верный раб Игорь, больше всех!!! И море об тебе таскует. Как бы оно целовало твои загорелые ножки! И я тоже!!! Если не можешь уговорить своего Б., то прилетела бы сама. Если вопрос упереется в деньги, то это, конечно, вопрос, потому что ты знаешь, что у меня всегда, как в оперетте: «Без денег как-то веселей, я призираю богачей»!!! Но у меня мысль! У меня тут есть одна знакомая особа (не думай, просто знакомая) с большущими деньгами и, если надо, я у нее перехвачу и пошлю тебе. Черкни только, что согласна...»

Борис показал письмо матери. Лицо у него было жалкое и растерянное.

— Как ты думаешь, мама, у нее что-нибудь серьезное с этим Игорем? Вот мразь: перехватить у знакомой особы! И в каждом слове ошибки...

— Тут дело не в чьих-то орфографических ошибках,— сказала мать.— Боря, только правду: ты ее очень любишь?

Борис подумал и ответил:

— Мне сейчас кажется, мама, что я ее никогда не любил. Это была моя ошибка. Похуже всякой орфографической.

Он положил письмо на стол, на видное место.

Алла кричала, что подло читать чужие письма. Борис согласился: да, подло, но эта подлость вызвана ее поведением. Тогда она начала оправдываться: мало ли что мог написать этот идиот Игорь... Ее оскорбляют незаслуженные подозрения! Ну, конечно, она догадывается: это не он нашел письмо, а драгоценная мамаша! Теперь она будет запирать комнату на ключ...

Она горько плакала и снова уговаривала Бориса переменить квартиру:

— Ах, моя бедная мамочка никогда бы не задумалась, если бы дело касалось счастья ее единственной дочери! Да что там сравнивать, моя мама сама любила жить красиво и из меня не готовила синих чулков!

Борис поймал себя на мысли: «Почему я раньше не замечал, что она так ужасно говорит?» Но он так уставал последнее время, что ему хотелось только одного: отдохнуть дома. Если Алла говорит, что Игорь — идиот, значит, между ними нет ничего серьезного.

Вскоре появился Игорь, дочерна загорелый, в новом модном костюме, с букетом роз и коробкой шоколадных конфет. Наверно, ему все-таки удалось «перехватить денег у знакомой особы».

— Ой, счастливый, как ты чудненько выглядишь! А я кисну в четырех стенах, совершенно не дышу воздухом, как старуха! — слезливо заговорила Алла, ничуть не стесняясь присутствия Марьи Гавриловны.

— На пляжик? Такси у подъезда,— предложил Игорь и великодушно добавил: — Позвони своему Бобочке, пускай после работы подъезжает в Химки.

Алла заперла дверь своей комнаты на ключ и уехала с Игорем, не позвонив Борису.

Она вернулась в первом часу ночи. Борис лежал в столовой на диване.

— Безобразие, что за коммутатор у вас на заводе! — громко и с возмущением начала Алла еще в прихожей.— Я тебе звонила-звонила, и не дозвонилась.

Борис ответил:

— Врать будешь завтра. Не кричи: разбудишь маму.

Алла ушла к себе в комнату, на всю квартиру хлопнув дверью.

На другой день Борис пришел к Сергею и Кате. Они обрадовались ему, стали показывать обновки: стенные часы с боем, коляску для будущего малыша, ковер.

— Когда Алеша начнет ползать, мы будем застилать ковер простыней.

Они мечтали о мальчике, Алеше, но на всякий случай выбрали имя и для дочки — Аленушка.

Как-то особенно светло, уютно и чисто было в этой маленькой квартире: стол накрыт к ужину, в вазе цветы. Смешной маленький деревянный Буратино сидел на ручке кресла. Сергей сказал:

— Вот, полюбуйся, будущая мамаша до сих пор играет в куклы!

«Наверно, им все время хорошо и весело вместе»,— подумал Борис.

Сейчас с ними жила мать Сергея, и Катя называла ее ласково: «мамочка». Видно было, что эти две женщины: одна пожилая, другая совсем молоденькая — отлично понимают друг друга и действуют заодно, немножко подсмеиваясь над Сергеем.

— Он думает, что это только у него такое чудо — родится сын! Переживает, всего боится. Кто-то ему сказал, что древние греки ставили в спальне красивые статуи, чтобы будущая мать видела вокруг себя все прекрасное. Теперь Сережа мечтает купить мраморного Аполлона и сердится, что Аполлонов не продают в ГУМе. А Буратинку собирается запрятать в шкаф, а то у него, видишь, нос, как шило!

Так говорила мать, радуясь и любуясь на свою молодую семью и чувствуя, что с внуком или внучкой в ее жизнь войдет новое счастье. Но она же первая заметила расстроенное лицо Бориса.

— Что это ты, Боря? Нездоровится тебе, милый?

И Борис, как самым близким людям, рассказал им обо всем, что скрывал от них до сих пор. О том, что любовь с поцелуями, ласками и нежным воркованием продолжалась не больше месяца, что очень скоро они перестали понимать друг друга. Вот маленький пример: он как-то принес журнал, где на обложке была прелестная фотография ребенка, и молча положил перед Аллой. Она равнодушно посмотрела на фотографию, перелистала журнал и занялась страничкой с модами. Не поняла или не захотела понять, почему он купил именно этот журнал. Борис говорил, волнуясь:

— Вы же знаете маму, она не мелочна, сдержанна. До появления Аллы в доме у нас никто никогда не кричал, не хлопал дверями. Она принесла с собой все: постоянные разговоры о деньгах, истерики, грубость, неряшливость и главное — ложь, ложь во всем. Она часто повторяла ужасную фразу: «Веселиться можно тому, у кого карман толстый!» — Борис сморщился, как от зубной боли.

— Вы, наверное, думаете, что я тоже стал мелочным, если передаю такие подробности? Но ведь я слушаю это изо дня в день! Может быть, я тоже в чем-то виноват, но ты же сам всегда повторял, Сережа, что из меня можно веревки вить! Почему она все хочет только для себя и никогда не думает о других? Да, я бесхарактерный, но ведь она видела, какой я. Или ей было все равно, лишь бы выйти замуж?

Он махнул рукой.

— Простите меня, испортил я вам настроение. В общем, жизни у нас нет и не будет. Надо расходиться.

Катя даже заплакала.

— Боря, как мне тебя жаль! И Марью Гавриловну тоже.

Она, будущая мать, теперь всей

душой сочувствовала материнскому горю. А Сергей сказал:

— До чего нескладно все получилось! В общем, ты, конечно, сам виноват. Загорелось тебе: женюсь, женюсь! А она девица предприимчивая. Ты помнишь, Катя, как она интересовалась: какая у Борьки квартира, кто родители?

— Почему же вы меня тогда не отговорили? — уныло спросил Борис.

Сергей усмехнулся.

— Как будто в таких случаях можно кого-нибудь отговорить! Ты ходил, как шалый, никого кругом не замечал, кроме нее. Но разумный человек должен все-таки соображать, что такое внезапное, пусть даже сильное увлечение, а что настоящая любовь.

— Тебе хорошо говорить,— вздохнул Борис,— у тебя Катя!

— И ты бы тоже нашел свою Катю! Только не по таким приметам, как обворожительный купальный костюм и залихватское исполнение рок-н-ролла. Ты задавал себе вопрос: почему вы поженились? Потому что приятно было целоваться в лесу или вместе купаться в речке?

— Что ж теперь об этом спрашивать,— сказала мать.— Теперь о другом нужно говорить: нельзя ли все-таки наладить жизнь?

— Нельзя, — сказал Борис. — Это ведь не машина: поломалась, наладил — и опять давай перевыполняй норму. Когда машина ломается, и то переживаешь, не знаю как! Да и кто станет ломать нарочно? А тут нарочно, изо дня в день. И разве мы с мамой не пробовали налаживать? А теперь я не хочу больше. Понимаете, не хочу!

...И вот они сидят в зале суда. И всем ясно, почему они разводятся: не сошлись характером, поняли, что любви нет и не будет, что нет дружбы и взаимного уважения, что ежедневные крупные и мелкие неприятности и обиды заслонили весь белый свет. А когда жизнь становится беспросветной, вместе жить уже нельзя.

Да, и все-таки, почему они поженились?

Посторонняя женщина с любопытными глазами говорит громким шепотом:

— Хорошенькая, молоденькая, захотелось устроиться. Конечно, брак — лотерея.

— Замолчите вы со своей лотереей! — сердито шепчет ей случайный сосед.— Любовь и семейная жизнь — это дело серьезное, а лотерея — игра.

— Не скажите! — запальчиво отвечает женщина.— Я по лотерейному билету мотоцикл выиграла, вот вам!

По Каспию поплывут... поезда

Еще недавно азовские рыбаки, проходя Керченским проливом, с интересом рассматривали необычное судно, палуба которого была тесно заставлена вагонами. А теперь никто не удивляется этим встречам: железнодорожный паром регулярно курсирует между Крымским и Кавказским берегами.

В скором времени можно будет повстречать поезда и в открытом море, на Каспии между Баку и Красноводском.

Всякий, кто бывал в этих каспийских портах, наверное, знает, как много товарных составов приходит туда из Закавказья и Средней Азии, как много грузов из вагонов перегружается там на морские суда и, наоборот, из судов — в вагоны. День и ночь трудятся сотни грузчиков, работает множество кранов, транспортеров. Да иначе и не может быть: перевалка — обязательное условие смешанного железнодорожно-водного сообщения.

А теперь представим себе иную картину: стальные пути на бакинском и красноводском причалах не обрываются над морем, нет, они продолжены на широкой палубе пришвартованного к причалу судна. Локомотив подает на палубу железнодорожный состав, по рельсам в четыре ряда устанавливаются тридцать большегрузных вагонов. Судно уходит в плавание, чтобы через девять с половиной часов пришвартоваться у противоположного берега Каспия. Другой локомотив выведет вагоны с палубы парома на рельсы причала, и поезд продолжит свой путь по стальным магистралям страны.

Применение морского парома обещает большие экономические выгоды. Прежде всего сокращается пробег вагонов. От Ашхабада до Баку кружным путем 5 218 километров, а через Каспий — всего 842. Отсутствие перевалки в портах позволит удешевить доставку каждой тонны груза примерно на 20 рублей. В целом для государства это сэкономит многие миллионы.

Железнодорожный паром для Каспия проектируется как мощный дизель-электроход с тремя гребными винтами, обладающий хорошими мореходными свойствами. Вагоны на палубе будут надежно крепиться на случай непогоды во время плавания. Наряду с грузовыми составами паром будет перевозить не менее 300 пассажиров, для которых предусмотрены каюты.

Морские железнодорожные паромы на Западе курсируют в Па-де-Кале между портами Англии и Франции, в датских проливах, на великих озерах Северной Америки. Однако все они совершают более короткие рейсы, чем те, которые предстоят каспийскому парому: расстояние от Красноводска до Баку около 300 километров.

Первый железнодорожный паром для Каспия скоро начнет строиться.

С. МЕСЯЦЕВ

Была у девушки коса...

Владимир КОТОВ

К вопросу о моде

Была у девушки коса,
ее коса,
ее краса.
Лежала на плечах витая,
в ходьбе спадала, золотая,
и по спине, струясь, бежала,
и выше
голову держала;
солдатам и поэтам снилась,
до смерти в памяти хранилась...
Бывало, из-за той косы
сшибались в буре две грозы;
два сердца рвались в высоту,
чтоб только видеть косу ту,
чтоб ей, единственной, служить,
чтоб под ее короной жить...
Ходила девушка, цвела,
красой и гордостью была.
Ее дожди могли хлестать —
лишь краше становилась стать,
стать золота и бирюзы,
стать русской девичьей красы.
Цвели у девушки глаза,
ее глаза,
ее краса,
сияли синею игрой,
пронзали золотой искрой,
в них жили
тихие лучи,
светились
чистые ключи;
в них было все:
и моря власть,
и человеческая страсть,
то юной грусти уголек,
то любопытства огонек,
то мысли вспугнанной огонь,
то просто лень,
то просто сонь,
то озорные невода,
то просто «нет»,
то просто «да»...

Но кто-то срезал ей косу,
ее косу,
ее красу.
Клочкастая, как в дождь трава,
бугрится, стынет голова.
И кто-то на ее зрачки
надвинул черные очки;
нет ни бровей
и ни ресниц,
лишь окна двух глухих темниц.
А где лицо?
Да нет лица,
раз нет начала и конца.
Что там за ними — не понять,
ведь взглядом мне стекла не снять!
Где грусти тихий уголек?
Где любопытства огонек?
Где солнца свет?
Где моря власть?
Где человеческая страсть?
С кем я стою?
Во что гляжу?
Кому я слово-то скажу?..

Была у девушки коса,
ее коса,
ее краса...

Скульптура Ф. Фивейского

Трое пленных советских бойцов в смертный свой час перед расстрелом в фашистском застенке. «Сильнее смерти» — так назвал свое произведение молодой московский скульптор Федор Фивейский, весной этого года окончивший Московский художественный институт имени В. И. Сурикова по классу М. Г. Манизера. В бронзе отлита скульптура; словно из бронзы вылиты и характеры этих трех людей. В центре — прекрасный, мужественный человек. Лицо его гордо, сила духа его беспредельна, он презирает своих палачей. Жгучая ненависть во взгляде другого бойца: не о смерти мысли его; получи он свободу — страшен будет врагам его беспощадный гнев воина. Пытками измучен третий, может быть, смерть казалась ему избавлением. Но и истерзанный палачами, он все же не побежден.

Светлые образы героев! Такой вот — сильнее смерти — была в свой последний час Зоя Космодемьянская, такими были Муса Джалиль, юноша-солдат Юрий Смирнов, старый русский генерал Карбышев. Так смотрели в глаза палачам Тельман и Белояннис... Годы лишь ярче озаряют славой немеркнущую память героев.

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

ПОЧЕМУ ТАК ВЫРОСЛИ ДЕРЕВЬЯ?

В поселке Горбовском (Проказинка), Мценского района, Орловской области, есть две причудливо выросшие ракиты. На первый взгляд кажется, что это создано руками человека. На самом деле деревья выросли чисто случайно из кольев, поддерживавших крышу погреба. Когда колья проросли, на крышу погреба стали лазать козы и щипать листву. Хозяину надоело чинить крышу, гонять коз, и он перенес погреб в другое место. А ракиты продолжали расти...

В. СУВОРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Стихотворение В. Маяковского. 5. Денежная единица некоторых европейских стран. 8. Скульптор, живописец, архитектор эпохи Возрождения. 10. Газ. 12. Частица химического элемента. 14. Продукция легкой промышленности. 15. Африканец. 17. Серный или железный колчедан. 18. Помещение для концертов, гуляний на курорте. 20. Столица Австралийского Союза. 21. Предельная краткость в выражении мыслей. 23. Место стоянки, взлета и посадки самолетов. 25. Картина А. К. Саврасова. 26. Часть цветка. 27. Государство в Северной Африке. 28. Минерал, входящий в состав вулканических пород. 30. Советская оперная певица. 32. Опора сооружения. 34. Перелет птиц в известные периоды. 35. Общность интересов. 36. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 37. Пьеса Джека Лондона.

По вертикали:

1. Изделия из металлов и металлических сплавов. 2. Форма коллективного труда. 3. Торжественная песня. 4. Французский художник XIX века. 5. Вид лирического стиха. 6. Дикий бык на острове Целебес. 7. Жанр китайского театра. 9. Древнерусское название воина. 11. Определение местоположения. 13. Совокупность специальных слов. 16. Вступительная часть музыкального произведения. 17. Ранневесеннее луковичное растение. 18. Действующее лицо в романе А. И. Герцена «Кто виноват?». 19. Французский естествоиспытатель. 20. Длинная, узкая отмель. 22. Башня с сигнальными огнями. 24. Насекомое. 25. Специальное хозяйство для выращивания и разведения растений, животных. 27. Венгерский пианист, композитор XIX века. 29. Лестница на корабле. 30. Рыба подотряда щукообразных. 31. Город в Верхнем Египте. 33. Предводитель аргонавтов в греческой мифологии. 34. Единица старинного русского счета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

1. Всходы. 6. Гидростатика. 9. Просмотр. 10. Тракт. 12. «Олеся». 15. Поплин. 18. Почвовед. 19. Тамбурин. 20. Толкачов. 22. Существо. 23. Диоптр. 24. «Антар». 26. Пьеро. 27. Обоняние. 28. Обозреватель. 29. Одетта.

По вертикали:

2. Скороход. 3. Диатомит. 4. Адепт. 5. Дидро. 7. Перечисление. 8. Обсерватория. 11. Клоунада. 13. Любитель. 14. Шпроты. 15. Период. 16. Нагпур. 17. Унисон. 21. Виноград. 22. Стандарт. 25. Рожок. 26. Перец.

В этом номере на вкладках восемь страниц акварелей В. С. Климашина.

ОГРАДА ИЗ ПУШЕК

Чугунная решетка, укрепленная на стволах шестидесяти четырех боевых пушек Обуховского завода, — такова ограда Одесского артиллерийского училища имени М. В. Фрунзе. Построена она в 1915 году. Существует предположение, что эти пушки принимали участие в войне 1904—1905 годов с Японией. Некоторые из них использовались в гражданской войне. На пушках хорошо сохранились номера и марка завода.

А. МИХАЛКОВ

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06683. Подписано к печати 11/IX 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 225 000. Изд. № 1131. Заказ № 2232.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ф. Фивейский. «СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ».

Жюри Международной выставки изобразительного и прикладного искусства на VI Всемирном фестивале присудило автору за эту скульптуру золотую медаль.

Фото А. Соркина.

